

Из воспоминаний студента Императорской Московской Духовной Академии XXXII курса (1873—1877 г.г.) *).

Къ обще-обязательнымъ предметамъ принадлежали языки, древніе и новыя, по выбору студентовъ. Я взялъ греческій какъ наиболѣе богословскій. Преподавалъ инспекторъ С. К. Смирновъ. Какъ и всѣ преподаватели, онъ являлся на лекціи въ форменномъ фракѣ, но въ отличіе отъ другихъ имѣлъ жилетъ съ бѣлыми пуговицами форменными, часто нашитыми и выдававшимися на выцукломъ большомъ животѣ. Я впервые видѣлъ такой жилетъ, и онъ почему-то мнѣ оченъ нравился. Медленно входилъ онъ въ аудиторію, торжественно возсѣдалъ на кафедру и, вынувъ изъ бокового кармана листикъ и надѣвъ очки, начиналъ отчетливо и зычнымъ голосомъ какъ бы вѣщать лекцію, устремляя взоръ на насъ и лишь изрѣдка посматривая въ листикъ. Его величественный и внушительный видъ на кафедрѣ, представлявшей также громоздкое сооруженіе на подобіе трона, невольно вызывалъ въ насъ образъ Зевса, хотя С. К. и былъ бритый, безъ усовъ и бороды. Лекціи начинались критикою Эразма произношенія и казались очень занимательными, по своимъ доводамъ. Особенно ярко помнится фигура С. К.—ча, изображавшаго блеяніе овцы. Съ большимъ любопытствомъ слушались также лекціи объ Олимпійскихъ играхъ. Половина лекціи, минутъ 20 или 15, посвящалась переводу студентовъ изъ христоматіи. Подробнѣе о преподаваніи С. К.—ча мною сказано въ статьѣ юбилейнаго изданія „Памяти почившихъ наставниковъ“. стр. 153—169.

*) Продолженіе См Богословскій Вѣстникъ 1914, Октябрь—Ноябрь, стр. 646 сл

По новымъ языкамъ я записался на два: французскій и англійскій. По нѣмецки я былъ достаточно напрактикованъ въ семинаріи. Занимался и французскимъ. Но по англійски ничего не зналъ. Лекторомъ французскаго языка былъ Герскій, благодушнѣйшій старичекъ. Для первоначальнаго ознакомленія съ языкомъ имъ былъ составленъ коротенькій учебничекъ, съ переводомъ правилъ изъ Марго. Преподаваніе состояло въ чтеніи и переводѣ статей изъ христоматіи, *Bibliothèque littéraire par Lafosse*. Лекторъ исправлялъ произношеніе и давалъ синтаксическія объясненія, на 3-мъ курсѣ упражнялись и съ русскаго.

Но англичанинъ Smith представлялъ курьезъ. Бритый, сухой, съ мелкими чертами лица и небольшого роста старикъ неопредѣленной старости. Приѣзжая изъ Москвы, онъ прямо съ вокзала являлся въ аудиторію, съ кожанымъ мѣшкомъ въ рукахъ, и располагался по домашнему. Вынималъ изъ ушей какія то машинки, чистилъ ихъ чѣмъ то и снова вставлялъ въ уши. То же продѣлывалъ съ зубами. Потомъ осматривалъ костюмъ и поправлялъ парикъ. Весь онъ казался какою то машиною и на пружинахъ, невольно напоминая слова любимой тогда нами студентами дубинушки: „англичанинъ хитрецъ изобрѣлъ за машиной машину“. Открывалъ составленный имъ учебникъ и читалъ, заставляя студентовъ повторять за собою слова. Составленъ учебникъ по такъ называемой, если не ошибаюсь, американской методѣ. Напечатанъ англійскій текстъ, подъ нимъ произношеніе словъ русскими буквами и, кажется, русскій переводъ. Изученіе начиналось механически-безсвязнымъ и бессмысленнымъ запоминаніемъ начертанія, произвошенія и значенія словъ. Можетъ быть такая метода и полезна для маленькиихъ дѣтей, но для меня, напримѣръ, уже въ училищѣ знавшаго латинскій языкъ, а въ семинаріи, кромѣ того, занимавшагося греческимъ, нѣмецкимъ, французскимъ и немного еврейскимъ языками,—уже имѣвшаго свой собственный навыкъ въ способѣ изученія языковъ,—такая ребячья метода была невыносима. Послѣ двухъ мѣсяцевъ я пересталъ посѣщать уроки Смита,—тѣмъ болѣе, что мнѣ глубоко противна была и его циничная халатность въ аудиторіи, гдѣ онъ не стѣснялся даже доставать изъ мѣшка булку съ сыромъ и чавкать своими вставными зубами во время урока. Я ограничился краткимъ курсомъ

при словарь Рейфа, усвоивъ чтеніе, за немногими исключеніями, напр. эйшенъ и др., — латинское. На экзаменъ съ такимъ чтеніемъ я не рѣшился идти и остался безъ отмѣтки. Впрочемъ, въ теченіе всего курса, мнѣ не пришлось пользоваться англійскими пособіями при сочиненіяхъ, — понадобился онъ много послѣ, на профессурѣ, когда мнѣ пришлось снова взяться за подновленіе и прибавленіе знаній по этому языку.

Къ числу общихъ, но не обязательныхъ предметовъ принадлежала еще, такъ называвшаяся, естественно—научная апологетика Д. Θ. Голубинскаго. Она, по особому ходатайству Совѣта Академіи, при усиленныхъ хлопотахъ А. В. Горскаго и благодаря горячему содѣйствію Митрополита Иннокентія, была образована изъ упраздненной уставомъ 1869 года математики и существовала только въ Московской Академіи, на средства митрополіи. Старшіе студенты намъ внушали, что записываться въ слушатели Д. Θ—ча надо всѣмъ, чтобы угодить „Папашѣ“, коего возлюбленнымъ дѣтищемъ была эта кафедра и коего любимцемъ былъ сынъ знаменитаго Голубинскаго Д. Θ—чь. Такъ и было. Записались всѣ,—тѣмъ болѣе, что хожденіе на лекціи считалось не обязательнымъ и экзаменовъ не полагалось.

Свой курсъ естественно—научной апологетики Д. Θ. началъ исторіей своей кафедры, хлопотами А. В—ча, содѣйствіемъ Митрополита и благодарностью виновникамъ кафедры: одна—двѣ лекціи. Затѣмъ едвали болѣе лекцій посвящалось раскрытію Премудрости и Благости Божіей въ устройствѣ міра, на примѣрахъ цѣлесообразнаго распредѣленія влаги на землѣ, и еще что-то въ этомъ родѣ, напоминавшее мнѣ чтеніе и переводъ въ 6-мъ классѣ семинаріи, подъ руководствомъ свящ. Θ. А. Орлова, изъ Василія Великаго. Послѣ такого возвышенно—богословскаго вступленія Д. Θ. переходилъ къ самому прозаичному преподаванію правилъ ариѳметической и геометрической пропорцій, алгебраическихъ уравненій, элементарной физики. Для предшественниковъ нашихъ, учившихся въ семинаріяхъ по старому уставу и у академическихъ математиковъ,—что новый уставъ счелъ необходимымъ прекратить,—уроки Д. Θ—ча можетъ быть и были интересны и полезны. Но для большинства изъ насъ, прошедшихъ полныя семинарскіе курсы математики и физики по новому уставу

у университетскихъ преподавателей, курсъ Д. Θ. казался мнѣ полнымъ, чѣмъ въ семинаріяхъ. Особенно посчастливилось нашей Рязанской Семинаріи, гдѣ съ 1-го и до 4-го класса были превосходные и умѣлые преподаватели, коихъ уроки понимались большинствомъ класса—Павловъ (алгебра), Альбрехтъ (геометрія и тригонометрія), Урусовъ (физика). Особенно—послѣдній. Онъ до того увлекалъ насъ, что большинство сидѣло въ классѣ буквально разиня рта и ловя каждое слово преподавателя. Къ несчастію нашему, онъ ушелъ изъ семинаріи предъ Рождествомъ. Второе полугодіе преподавалъ физику Сидоровъ, изъ Горегорецкаго Института. Онъ началъ съ того, что пропустилъ самые интересные отдѣлы о свѣтѣ и звукѣ, перешелъ прямо къ электричеству, и здѣсь, выбросивъ всѣ формулы и пр., занимаясь только опытами, приправляя ихъ пошлыми прибаутками и деревянными островами. А по пасхали, при вычисленіяхъ съ неопредѣленными уравненіями, у него никогда пасха не пришлась въ воскресенье.

Впрочемъ аудиторія Д. Θ--ча охотно посѣщалась студентами, особенно во время опытовъ. Правда, въ большинствѣ это были опыты самые элементарные и знакомые по семинаріи (Атвудова машина, нагрѣваніе шаровъ, электрическая машина, электро-магниты, лейденскія банки, круксова трубка, опыты съ газами и т. д.). Но нѣкоторые были и новизною, для меня напр. по звуку и свѣту—микроскопъ, особенно солнечный и др. Такъ какъ я не всегда посѣщалъ лекціи Д. Θ--ча, то и не могу сказать, обращался ли онъ когда нибудь къ сложнымъ формуламъ и вычисленіямъ,—повидимому—нѣтъ, во-всякомъ случаѣ это не было въ его стилѣ. Исключеніемъ были, кажется, пасхальныя вычисленія, но они производились по знакамъ церковной пасхали. Добрымъ союзникомъ Дим. Θ--ча и гонителемъ слушателей къ нему былъ, требовавшій укрощенія, здоровый и молодой студенческой аппетитъ, такъ какъ нѣкоторые лекціи приходились предъ обѣдомъ. Я и большинство по утрамъ ограничивались пустымъ чаемъ съ кускомъ сахара въ прикуску: изъ дававшихся ежемѣсячно на чай, сахаръ и хлѣбъ трехъ рублей добрая половина уходила на табакъ и пр. На булку не оставалось. Д. Θ--чъ, повидимому, зналъ своего, споспѣшника и къ предъобѣденнымъ лекціямъ на нашемъ и

другихъ курсахъ нарочно подгонялъ болѣе интересныя опыты: Содѣйствовали и сообщенія его помощниковъ—адьянкетовъ при опытахъ, на примѣръ: сегодня Д. Θ. перегоняетъ изъ пустаго въ порожнее (опытъ съ углекислымъ газомъ),—сегодня опыты съ кислородомъ, аллюминіемъ, солнечнымъ микроскопомъ, кружковою трубкой и под.

Кромѣ классныхъ опытовъ, Д. Θ. по временамъ устраивалъ генеральныя, для всѣхъ, по вечерамъ: съ телескопомъ и волшебнымъ фонаремъ. Смотрѣли въ устарѣлый и неважный телескопъ на луну, марсъ, венеру и пр. Не знаю почему, но мнѣ ни разу не удалось что нибудь увидѣть въ этотъ телескопъ. Смотришь — ничего. Д. Феодоровичъ любезно направляетъ, объясняетъ то, что я долженъ видѣть, но я ни разу не видалъ ничего, и, изъ вѣжливости показавъ видъ, что зрю подобающее видѣніе, отходилъ отъ телескопа.

Но генералиссимусомъ былъ волшебный фонарь. Собиралось множество зрителей, даже профессора съ семьями посѣщали эти сеансы. Что-то въ родѣ спектакля, или теперешняго кинематографа. Показывались разныя мѣстности, города, памятники, народы, движенія планетъ, портреты знаменитыхъ людей и т. д. Были и движущіяся фигуры на картинахъ, напр. извергающаяся лава изъ Везувія, движущійся по мосту поѣздъ желѣзной дороги и пр. Случались курьезы: Везувій внизъ конусомъ, поѣздъ вверхъ колесами,—вызывавшіе взрывы гомеровскаго смѣха. Ужъ не устраивалъ ихъ Д. Θ. нарочно, по своей наивности, для оживленія сеансовъ?—Показывались портреты разныхъ знаменитостей. Въ числѣ ихъ Д. Θ. однажды предъявилъ одутловатый, морщинистый и не особенно благообразный ликъ, съ замѣчаніемъ: „Вотъ какъ невѣріе и матеріализмъ искажаютъ челоувѣка,—это—извѣстный безбожникъ и матеріалистъ Малешоттъ“ (или Фейербахъ — хорошо не помню). Ликъ почему то показался мнѣ знакомымъ, вспомнился портретъ Писемскаго, и я заявилъ свое сомнѣніе Д. Θ.—чу. У него не оказалось никакихъ данныхъ для разрѣшенія этого сомнѣнія и для доказательства принадлежности портрета Малешотту или Фейербаху, даже по крайней мѣрѣ непринадлежности портрета Писемскому. Недоумѣніе это такъ и осталось неразрѣшеннымъ для меня доселѣ, ибо я не обращался потомъ съ этимъ вопросомъ къ Д. Θ.—чу.

Сеансы неизмѣнно всегда оканчивались какъ бы апоѳеозою — показаніемъ ликовъ „покойнаго родителя моего, извѣстнаго философа, протоіерея Ѳеодора Александровича Голубинскаго“ (нѣкоторые сообщали, что Д. Ѳ. однажды прибавилъ будто бы слово: „дѣвственника“, но это конечно анекдотъ, ибо Д. Ѳ. не былъ столь ужъ наивенъ). Портретъ, коего копія имѣется теперь въ юбилейныхъ изданіяхъ и въ профессорской комнатѣ, (наиболѣе удачна въ Октябрь—Ноябрьской книжкѣ Богословскаго Вѣстника 1914 г) кажется страннымъ и, повидимому, имѣетъ какой-то существенный недостатокъ въ сходствѣ съ оригиналомъ, особенно въ носѣ. Но для самого Д. Ѳ.—ча, хранившаго въ себѣ яркій образъ оригинала, этотъ недостатокъ, кажется, не былъ замѣтенъ. По крайней мѣрѣ онъ предъявлялъ портретъ „покойнаго родителя“ безъ всякихъ оговорокъ о сходствѣ. Вслѣдъ за покойнымъ родителемъ появлялся на экранѣ и ликъ здравствующаго сына—лектора, въ виц—мундирѣ и съ орденомъ на шеѣ. Самъ Д. Ѳ.—чъ, думается мнѣ, имѣлъ при этомъ наивную цѣль—во очію всѣхъ показать свое сходство съ знаменитымъ своимъ родителемъ. И дѣйствительно, нѣкоторое фамиліное сходство всетаки есть. Для правильнаго сужденія о портретѣ Ѳ. А.—ча надо имѣть въ виду, что Ѳ. А.—чъ любилъ нюхать табакъ, что унаслѣдовалъ отъ родителя и сынъ. Появленіе портретовъ Родителя и Сына сопровождалось громкимъ взрывомъ искреннихъ аплодисментовъ, коими и оканчивался сеансъ. Всѣ расходились съ улыбками на лицахъ, въ какомъ то пріятно шутиломъ и благодушнѣйшемъ настроеніи, унося изъ аудиторіи искреннюю благодарность лектору.

Вотъ этимъ то благотворнымъ и умиряющимъ вліяніемъ какъ на студентовъ такъ и на профессоровъ Д. Ѳ.—чъ имѣлъ въ академіи гораздо большее значеніе, чѣмъ своею профессурою. Можно смѣло ручаться, что за всю жизнь онъ не обидѣлъ, какъ говорится, и курицы. Для исполненія обращавшихся къ нему просьбъ онъ готовъ былъ дѣлать все возможное до отдачи послѣдняго пятака. Что-то дѣтски-наивное было въ немъ, невольнo напоминавшее слова Христа: „таковыхъ есть царство небесное“ (Матѣ. 19, 14).

Столь же благотворное впечатлѣніе производила и религиозность Д. Ѳ.—ча. Всѣ наставники и служащіе исправно

посѣщали академическій храмъ. Но Д. Θ—чь неопустительно являлся всегда къ самому началу службы, никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ и становился особнякомъ въ храмѣ, со сложенными на груди руками, склоненною нѣсколько вправо головою и устремленными горѣ глазами, по временамъ наклоняя голову впередъ и, повидимому, произнося шепотомъ молитвенныя слова. Въ такомъ положеніи онъ простаивалъ всю службу, какъ мнѣ стало казаться потомъ, безъ крестнаго знамени и поклоновъ. Вѣрнѣе же, я не обращалъ вниманія на это до тѣхъ поръ, пока однажды супруга В. Д. Кудрявцева, — дама очень словоохотливая, — когда я былъ уже преподавателемъ, не заявила мнѣ пресерьезно, по какому-то, не помню, поводу: „А вѣдь нашъ Д. Θ—чь масонъ“. На мое превеликое и искреннее изумленіе она добавила: „вѣдь онъ не крестится и не дѣлаетъ поклоновъ, — это масонство онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца“.

Моему изумленію не было конца, я принялъ это въ серьезъ и не утерпѣлъ вскорѣ высказать это самому Д. Θ—чу, хотя и подъ видомъ шутки. Самого Д. Θ—ча это нисколько не смутило, какъ будто онъ уже освоился съ такими подозрѣніями, можетъ быть со стороны той же словоохотливой Капитолины Васильевны. Онъ замѣтилъ только, что не блюдетъ строго постовъ, за исключеніемъ особо важныхъ—первой и послѣдней недѣли великаго поста, дня усѣкновения Главы Предтечи, Воздвиженія, Кануновъ Рождества и Крещенія,— что къ этому вынуждаетъ его болѣзненное состояніе его желудка. А относительно поклоновъ, особенно земныхъ, сказалъ, то у него малокровіе, слабо сердце, плохи ноги и кружится голова. Дѣйствительно, Д. Θ—чь умеръ отъ слабосердечія и малокровія.

Послѣ этого я, стоя всегда позади Д. Θ—ча, сталъ невольно обращать на него вниманіе. Правда, крестился онъ сравнительно рѣдко, еще рѣже полагалъ земные поклоны, но въ необходимыхъ случаяхъ—при выносѣ Даровъ, особенно преждеосвященныхъ, при возгласахъ съ чашею: „всегда, нынѣ и присно“ и „свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, не говоря о молитвѣ Ефрема Сирина и др., — онъ истово держалъ правило.

Изъ времени студенчества и послѣдовавшаго потомъ преподаательства припоминаю, кажется, неизмѣнно-постоянное

участіе Д. Θ—ча въ общеакадемическихъ собраніяхъ, съ чтеніями и пѣніемъ. Д. Θ—чь всегда выступалъ декламаторомъ стихотвореній, большею частію изъ Пушкина, наир. „Пророкъ“ и др., постоянно же: „Птичка Божія“ и стихотвореній его родителя, особенно предсмертнаго, и эпитафіи на памятникъ рано умершей его дочери.

Послѣднее мое воспоминаніе объ этихъ собраніяхъ относится ко времени уже не задолго до смерти Д. Θ—ча. Какіе то студенты, въ явно-неприличномъ и насмѣшливомъ тонѣ, закричали: „Д. Θ—ча! Птичку Божию!“ Д. Θ—чь, не замѣчая тона, съ серьезнѣйшимъ видомъ произнесъ это стихотвореніе.

Курьезомъ представляется увлеченіе Д. Θ—ча верховою вѣздой. Уроки ея въ молодости онъ бралъ въ манежѣ, кажется, вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ проф. В. Н. Потаповымъ (за вѣрность этого не ручаюсь). Не разъ бывалъ я свидѣтелемъ, какъ Д. Θ—чь на клячевидномъ Россинантѣ посадскаго извозчика, въ блестящихъ сапогахъ съ высокими голенищами и со шпорами, въ какихъ то стильныхъ перчаткахъ и особенной наѣзднической фуражкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, торжественно возсѣдая на конѣ, не особенно изящно трусилъ по улицамъ Посада, куда то за городъ. Однажды онъ везъ съ собою астролябію и цѣпь, какъ потомъ узналъ я отъ него, для опредѣленія границъ земли посадскихъ крестьянъ и по ихъ просьбѣ. Объясненіе этой, мало свойственной природѣ Д. Θ—ча и совѣмъ неожиданной, странности думаю найти въ дошедшемъ до меня, во время юной эпохи моего преподавательства, не помню чрезъ кого, преданіи, что посадскій и, въ частности, профессорскій бомондъ нѣкогда такъ увлекался аристократизмомъ, что въ *салонахъ* Амфитеатровыхъ и Кудрявцевыхъ позволялось говорить только по французски. Преданіе, теперь уже не свѣжее, тогда было свѣжо, но и тогда уже вѣрилось съ трудомъ. Провѣрить это у самихъ Кудрявцевыхъ мнѣ какъ то не пришло въ голову,—тогда я вѣдь не думалъ о старческихъ воспоминаніяхъ. Вѣроятно этимъ аристократизмомъ надо объяснять и наѣздническій спортъ Д. Θ—ча. Возможно, впрочемъ, объяснить это и докторскимъ предписаніемъ, какъ средство для укрѣпленія сердца, коимъ недомогалъ и В. Н. Потаповъ.

Не чуждался Д. Θ—чь и профессорскихъ вечеринокъ. Од-

нажды у Кудрявцевыхъ всѣ были навеселѣ. Былъ и Д. Θ—чь. Я въ шутку спросилъ Капитолину Васильевну, при Д. Θ—чь, ухаживалъ ли онъ въ молодости за дамами?—Она сообщила, что Д. Θ—чь игралъ и въ веревочку, и въ фанты и еще во что то подобное,—и что не то Д. Θ—чь ухаживалъ за какою-то интересною (не помню, кто она была) особою, не то сама эта особа за Д. Θ—чемъ, и самъ Д. Θ—чь конфузливо сознавался въ этомъ. Вообще онъ, думается, не былъ склоненъ выдавать себя за дѣвственника.

Припоминаются именины Д. Θ—ча, 21-го сент., какъ пережитокъ старины академической. Именинный пирогъ, кажется, былъ своего рода культомъ у моихъ предшественниковъ.—при мнѣ постепенно исчезающимъ и наконецъ совсѣмъ прекратившимся. Думаю такъ потому, что Д. Θ—чь, сколько помню, никогда не уклонялся отъ именинной повинности. А уклонявшихся въ старину отъ этого тогдашній сатирикъ, сынъ П. С. Делицына Петръ Петровичъ, Виенскій преподаватель (Виенская Семинарія и Академія находились въ тѣсномъ общеніи между собою), бичевалъ ѣдкими карриатурами и эпиграммами, напр. Е. В. Амфитеатровъ, гонимый ангеломъ съ метлою въ рукахъ,—С. К. Смирновъ, въ день именинъ занимающійся архивными изысканіями въ Хотьковѣ, причемъ архивъ нарисованъ въ видѣ Хотьковской игуменьи — старухи, и под. Обычно вся корпорація, съ ректоромъ во главѣ, являлись къ имениннику на квартиру, гдѣ уже, послѣ поздней литургіи, пилъ чай мѣстный причѣтъ Ильинской Церкви съ старостою-художникомъ Малышевымъ. При прежнихъ штатахъ квартира могла быть достаточно помѣстительною, но въ мое время квартира набивалась посетителями какъ бочка сельдями: кое какъ можно было стать гдѣ-нибудь. За то въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ: Внутреннихъ размѣровъ именинный пирогъ, разныя закуски, холодное, разваръ, жареные цыплята и рыба и прочее, всего въ изобиліи. Какъ постоянныя особенности имениннаго культа Д. Θ—ча отмѣчаю три: Филаретовка особаго настоя травникъ, будто бы употреблявшійся митр. Филаретомъ, изрекшимъ: одну должно, другую можно, а третью осторожно (обычно этотъ анекдотъ и напоминался тутъ Д. Θ—мъ), — моченый арбузь, очень невкусный и не извѣстно почему подававшійся, такъ какъ въ это время въ Посадѣ легко найти и сѣ-

жихъ арбузовъ, — вѣроятно это былъ какой-нибудь то же пережитокъ, — наконецъ обязательный бокалъ шампанскаго, очевидно то же остатокъ старины глубокой. Такой обрядъ именинаго пирога при мнѣ не справлялъ ни одинъ еще изъ старыхъ профессоровъ. А Д. Ѳ. былъ вѣрнѣе ему до самой смерти.

Впрочемъ, все это—не важное, а постороннее или внѣшнее для личности Д. Ѳ—ча. Главное значеніе его для Академіи и ея исторіи заключается въ его нравственномъ вліяніи на другихъ. Онъ полагалъ сѣмена добра въ души всѣхъ, знавшихъ его и вступавшихъ съ нимъ въ какія либо отношенія, какъ студентовъ такъ и профессоровъ.

Это значеніе Д. Ѳ—ча для Московской Академіи я старался посильно выяснить въ рѣчи на сороколѣтнемъ юбилеѣ Д. Ѳ—ча, по неизвѣстнымъ мнѣ соображеніямъ тогдашнихъ заправилъ Богословскаго Вѣстника своевременно въ немъ не напечатанной. Пользуясь настоящимъ случаемъ, нахожу умѣстнымъ закончить эту рѣчью мои воспоминанія о Д. Ѳ—чѣ.

Рѣчь въ 40-лѣтній юбилей профессорской службы Д. Ѳ. Голубинскаго.

Пречестный наставникъ нашъ,

Димитрій Ѳеодоровичъ!

Въ торжество исполнившагося 40-лѣтія Вашего профессорскаго служенія при Московской Духовной Академіи имѣю искреннюю и неодолимую потребность говорить.

Какой-то знаменитый естествоиспытатель, превеликій соорудивъ телескопъ, желалъ при помощи его усмотрѣть на небѣ Бога... и не усмотрѣлъ, не только Бога, но и самого неба. Въмѣсто того обрѣлъ онъ нѣчто совсѣмъ иное—силы и законы природы.

Такъ, почти четверть вѣка тому назадъ, начиналъ первый урокъ свой по физикѣ (о силахъ природы) преподаватель сей науки въ той семинаріи, гдѣ учился я. Это говорилъ 16—18-лѣтнимъ мальчикамъ, самъ немного старше ихъ — наставникъ,—говорилъ краснорѣчиво, увлекательно, нервозно. Легко представить себѣ, какое неотразимое вліяніе могли

имѣть подобныя поученія на впечатлительныя, беззащитныя и неустановившіяся умы юнцовъ, едва только начавшихъ задаваться вопросами о себѣ, мірѣ, Богѣ. Многие, увѣренъ я, изъ слушавшихъ подобныя уроки о матеріальныхъ силахъ природы, поставленныхъ на мѣсто неумотрѣннаго въ телескопъ Небеснаго Бога-Отца, — этимъ и подобнымъ внушеніямъ обязаны тѣмъ, что совсѣмъ завертѣлись въ круговоротъ матеріальныхъ стихій вѣка сего безбожнаго. Преждевременно сошедшіе въ могилы, доселѣ влачащіе разбитую жизнь, даже здравствующіе физически многіе испытали на себѣ силы этого стихійнаго круговорота — въ качествѣ разныхъ секретарей при полицейскихъ управленіяхъ, писцевъ въ городскихъ думахъ, урядниковъ, корреспондентовъ при убогонькихъ газеткахъ, сотрудниковъ лубочныхъ журнальцевъ и изданій, и т. п. И все это — *лучшія силы духовенства, надежды Церкви и ея науки, радость и опора бѣдныхъ семей...*

Благодареніе Промыслу, я избѣжалъ этого круговорота и благополучно, со многими другими счастливыми, приведенъ былъ въ тихую пристань Московской Духовной Академіи — въ мирный храмъ сей наукъ духовныхъ. Случилось такъ, что первая изъ выслушанныхъ мною здѣсь лекцій была — по естественно-научной апологетикѣ. Раскрывалась мысль, выраженная словами Писанія: Небеса проповѣдаютъ славу Божию и о дѣлахъ рукъ Его возвѣщаетъ твердь (Псал. 18, 1). Рѣчь шла о дивныхъ проявленіяхъ Промысла — *Божественной премудрости и благодати* — въ облегающей нашъ духъ матеріальной природѣ.

Слушая эти рѣчи, мнѣ становилось какъ-то особенно ясною и близкою мысль, что для зрѣнія небесъ и Бога нужны не усовершенствованные инструменты физическіе, но внутреннее око сердечное и сила духовная потребны для того, чтобы невидимое божество стало созерцаемымъ чрезъ разсмотрѣніе твореній, — чтобы ощутить и найти Того, Кто недалекъ отъ каждаго изъ насъ и въ Комъ мы живемъ и движемся и существуемъ (Римл. 1, 19—20; Дѣян. 17, 27—28).

Божество живетъ не въ рукотворенномъ храмѣ, такъ чтобы можно было увидать Его въ немъ, хотя бы и издалека и чрезъ телескопъ, но обитаетъ Оно въ духовномъ храмѣ міра, въ идеальной сторонѣ его бытія. И усматривается Оно

не тѣлеснымъ окомъ, хотя бы и усиленнымъ чрезъ телескопъ, и не въ чувственно-видимыхъ небесахъ, — но духовнымъ окомъ ума созерцается Оно въ духовномъ небѣ и въ мірѣ невидимомъ, недалеко отъ каждаго изъ насъ, чрезъ духовой телескопъ богоподобной стороны нашего существа, въ вѣчномъ и духовномъ мірѣ правды, добра, красоты.

Слова, которыя способны были вызвать подобныя мысли, говорилъ не юноша-преподаватель, — но ихъ изрекалъ почтенный профессоръ, — изрекалъ безъ прикрасть и анекдотическихкихъ отступленій о трубѣ, направленной къ небу для отысканія тамъ Бога, — изрекалъ спокойно, отчетливо, властно, какъ будто бы вѣщанія профессора служили эхомъ самой истины — простой и власти имѣющей (Матѳ. 7, 29).

Но въ царствѣ, гдѣ живемъ мы духовно, великъ не тотъ, кто только научаетъ, но кто *творитъ* и учитъ (Матѳ. 5, 19). Досто-подражаемый образецъ вѣрнаго сына церкви православной и ревностнаго послѣдователя Христова Вы дали не одному десятку молодыхъ поколѣній, воспитавшихся въ нашей Академіи на служеніе Православной Церкви и христіанской наукѣ.

Не стану и права не имѣю касаться частныхъ и домашнихъ, такъ сказать, подвиговъ Вашей христіанской жизни. Я могу и долженъ говорить только объ общественномъ служеніи Вашемъ въ качествѣ христіанина, — о томъ, что у всѣхъ на виду, — что горитъ, какъ свѣтильникъ предъ каждымъ, — что отовсюду, видно, какъ градъ стоящій наверху горы. Разумѣю, во-1-хъ, Ваше истинно-христіанское служеніе духовной наукѣ и Православной Церкви въ качествѣ одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей Братства, покровительствуемаго великимъ угодникомъ Христовымъ Сергіемъ: во-2-хъ — Вашу ревность въ посѣщеніи богослуженій академическаго храма, и въ-3-хъ — ваши научно-апологетическіе труды печатные. Эти три подвига единятъ Васъ духовно съ другимъ незабвеннымъ наставникомъ нашимъ — В. Д. Кудрявцевымъ, коего мирная и вѣчная память осѣняетъ Васъ и насъ непрестанно. Какъ бы ни было заносчиво и дерзко нерадѣніе въ отношеніи къ христіанской религіозности въ молодыхъ и легкомысленныхъ головахъ, — но непреклонная вѣрность церкви и искренняя религіозность имѣютъ неотразимое обаяніе на юныя сердца. И это потому, что суровый круговоротъ матеріальной жизни по стихіямъ міра, а не по Богу, еще не

успѣлъ исторгнуть изъ юныхъ сердець сѣмя слова Христова и заглушить въ нихъ голосъ природно-христіанскаго сознанія души. Въ этомъ отношеніи, Д. Ѳ., Вы были и есть незабвенный наставникъ нашъ и по выходѣ нашемъ изъ школы, когда мы уже погружены въ круговоротъ сей жизни,—возбуждая въ душахъ нашихъ сознаніе ея истинной, т. е. христіанской природы. И если видящій Христа видитъ и Отца Небеснаго, то и имущій умъ Христовъ, възгрѣвующій въ себѣ чувствованія Христовы, творящій дѣла Христовы — являетъ собою Бога, ибо Христосъ въ немъ, какъ и Богъ во Христѣ (1 Кор. 2, 16; Филип. 2, 5; Іоан. 14, 9; 15, 10 сл. 17, 21—23 др.).

Я сказалъ, что какъ истинный христіанинъ, Вы будили въ нашей душѣ сознаніе ея истинной природы. Поэтому мое слово было бы не полно, если бы я не указалъ и на обще-человѣческое служеніе Ваше своею жизнью. Если, говорю конечно предположительно и условно, — если бы нашлись такіе, у коихъ ясность христіанскаго сознанія нѣсколько затѣнена какими бы то ни было идолами мысли, науки, дѣятельности и пр., — но у коихъ дѣйствительна и сильна обще-человѣческая сторона нравственнаго сознанія, то и отъ лица таковыхъ, говорю это смѣло, я чувствую за собою долгъ высказать Вамъ наиглубочайшее почтеніе и преискреннюю благодарность. Такъ какъ истинно-человѣческое правдо-сознаніе есть въ сущности и истинно-христіанское, то оно не можетъ не видѣть въ Васъ *истинно-хорошаго человѣка*.

Не имѣю нужды подробно раскрывать общезвѣстные подвиги этой человѣчности или гуманности Вашей — ницелюбія, неукоснительнаго служенія долгу, высокой добросовѣстности въ исполненіи возлагаемыхъ на васъ обязанностей и пр. Если бы тотъ старинный чудакъ, что гдѣ-то за горами и долами, за далекими морями, въ огромномъ городѣ, днемъ и съ фонаремъ, искалъ человѣка, — какимъ-либо образомъ зашелъ бы теперь въ нашъ маленькій Посадъ, — я увѣренъ, ему не было бы здѣсь нужды ни въ какихъ вспомогательныхъ орудіяхъ для отысканія человѣка. Каждый обитатель богоспасаемаго Сергіева-града, всякій питомецъ богочраимой Академіи нашей, не только здѣсь, но и во всѣхъ городахъ обширной Россіи — необинуясь указалъ бы ему на Дмитрія Ѳеодоровича Голубинскаго, какъ на истинно-хорошаго человѣка.

Говоря все это, я чувствую, что моими словами движутъ сердца всѣхъ многочисленныхъ сыновъ Академіи, коихъ воспитывали Вы въ теченіе 40-лѣтняго профессорскаго служенія Вашего. Увѣренъ я, что немощное слово мое служить лишь слабымъ выраженіемъ и отзвукомъ тѣхъ чувствъ благодарности къ Вамъ и почтенія, какими исполнены и бьются сердца всѣхъ питомцевъ Вашихъ. Посему нимало не опасаясь обвиненія въ самозванствѣ или въ риторическихъ преувеличеніяхъ, сознаю за собою полную правоспособность отъ лица всѣхъ этихъ питомцевъ Вашихъ провозгласить: „Благотворному профессору, добродѣтельному христіанину и истинно-хорошему человѣку — Димитрію Теодоровичу Голубинскому многая лѣта!

Спеціальнымъ предметомъ богословскаго отдѣленія на первомъ курсѣ былъ только одинъ—патристика, 4 часа въ недѣлю. Преподавалъ ее молодой, еще только начавшій профессору, приватъ-доцентъ (по теперешнему исправляющій должность доцента) Николай Ивановичъ Лебедевъ. Неудобство приватъ-доцентскаго положенія состояло въ томъ, что молодому наставнику приходилось гоняться одновременно за многими зайцами: надо было составлять лекціи, давать темы и пособія студентамъ по третнимъ (семестровымъ) и годовымъ кандидатскимъ сочиненіямъ, руководить студентами при писаніи этихъ сочиненій и читать ихъ,—исполнять ученныя порученія Совѣта—составлять рецензіи магистерскихъ и докторскихъ диссертаций и возражать на диспутахъ,—и при всемъ томъ еще работать надъ обязательною своею магистерскою диссертацией. (Теперь почему-то вошли въ употребленіе, уничижительныя: „кандидатка, магистерка“—признакъ времени что ли?). При такихъ условіяхъ, конечно, нельзя было ожидать хорошихъ лекцій. Н. И. ограничивался переводомъ краткихъ предисловія какого-то изданія мужей апостольскихъ и апологетовъ, кажется, Функа. Потомъ къ экзамену мы готовились по предисловіямъ къ русскому переводу прот. П. А. Преображенскаго. Надо прибавить еще, что большая половина лекцій была опущена преподавателемъ вслѣдствіе того, что онъ страдалъ болѣзнью продолжительныхъ и частыхъ запоевъ. Это несчастье довело талантливаго и многообѣщавшаго Н. И.—ча (ему принадлежатъ: самая умная проповѣдь на смерть А. В. Горскаго и

дѣльная магистерская диссертація объ апологіи Оригена противъ Цельса) до того, что онъ принужденъ былъ оставить академію и скончалъ свою горемычную жизнь, кажется, гдѣ-то въ московской больницѣ, если даже не на улицѣ.

Лекціи вообще мало обременяли студентовъ, особенно богослововъ и практиковъ. Много свободнаго времени оставалось для занятія языками, чтенія книгъ и работъ надъ третними сочиненіями, называвшимися стариннымъ терминомъ: семестряки. Весь курсъ писалъ два сочиненія по предметамъ обще-обязательнымъ и одно по спеціальному. Срокомъ для первыхъ двухъ было первое полугодіе—до рождественскихъ каникулъ, а для третьяго второе полугодіе—до Пасхи. Давалось нѣсколько темъ, отъ 8 до 12, по каждому предмету, на выборъ студентовъ.

По философіи (такое названіе у студентовъ и въ расписаніяхъ носила кафедра метафизики и логики—см. отчеты и журналы) В. Д. Кудрявцеву я взялъ тему: „Справедливо ли мнѣніе философа Гартмана, что небытіе міра предпочтительнѣе его бытія?“ Книга Гартмана *Philosophie des Unbewussten* была еще тогда новинкою, русскаго перевода и критическихъ разборовъ ея не существовало, по крайней мѣрѣ я не зналъ ихъ. Полагаясь на свое знаніе нѣмецкаго языка и критическій навыкъ въ семинаріи ¹⁾, я смѣло взялся за эту тему. Пошелъ къ В. Д.—чу, онъ далъ мнѣ книгу Гартмана и указалъ небольшую нужную мнѣ главу. Давалъ ли при этомъ какія либо директивы и разъясненія, не помню. Думаю, что не давалъ никакихъ, такъ какъ это было не въ духѣ В. Д.—ча. И вообще онъ былъ всегда скуповать на слова и застѣнчивъ даже въ домашней обстановкѣ, при гостяхъ и въ гостяхъ.

Прочиталъ не только указанную главу, но и всю книгу. Она меня очень заинтересовала, особенно въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ доказывается дѣйствіе несознательнаго въ внѣсознательныхъ процессахъ: заживленіе ранъ, питаніе, половой инстинктъ и пр. Это дало мнѣ возможность главу о предпочтительности

¹⁾ Уже въ 4-мъ классѣ я писалъ на темы: Справедливо ли мнѣніе Декарта, что бытіе и мышленіе тождественны?—Критическій разборъ древняго скептицизма,—потомъ въ 5—6-классахъ разныя опроверженія материализма, пантеизма, кальвинизма и пр. и пр. И всѣ эти опыты заслуживали одобренія отъ наставниковъ.

небытія міра предъ бытіемъ его поставитъ въ связь съ общею системою Гартмана. Приобрѣтенный въ семинаріи философско-критическій навѣкъ далъ мнѣ возможность безъ особыхъ затрудненій раскрыть антинаучную фантастичность и полный произволъ въ разсужденіяхъ Гартмана, объяснить приводимыя имъ явленія дѣйствиємъ Божественнаго Разума и Промысла въ мірѣ, показать софистичность доводовъ за предпочтительность міронебытія предъ міробытіемъ и противопоставитъ имъ обратный тезисъ. Сочиненіе вышло около шести листовъ убористаго письма и удостоилось отличнаго отзыва за точность и чистоту языка, послѣдовательность и связность мышленія, самостоятельность работы. Это сочиненіе, какъ и всѣ вообще семестряки, я писалъ только одинъ, безъ конкурентовъ. Другія темы были проще, сводились къ болѣе или менѣе самостоятельно продуманному изложенію русскихъ пособій, преимущественно самого В. Д—ча, книги „Премудрость и Благость Божія“ и др. Въ одѣякъ сочиненій В. Д—чь вообще былъ очень снисходителенъ, баллы ставилъ высокія, особенно за тѣ, что писались по статьямъ или лекціямъ самого В. Д—ча, напр. о Промыслѣ Божіемъ. Мнѣ самому сочиненіе мое очень нравилось, и я тужу, что не напечаталъ его своевременно.

По психологіи А. П. Смирнову я писалъ о снѣ и сновидѣніяхъ. Въ пособіе дана была профессоромъ книга Морк. Было ли еще что, не помню. Но мнѣ показалось этого очень мало, и я рѣшилъ обратиться къ А. В. Горскому. Подогналъ ко дню своего дежурства по столу, когда каждый послѣ ужина долженъ былъ являться съ докладомъ къ ректору. Папаша взялъ меня подъ руку и сталъ ходить по ковру въ залѣ. Спросилъ: чѣмъ я занимаюсь?—Языками, отвѣчаю,—французскимъ и англійскимъ. Какое сочиненіе пишу?—По психологіи, о снѣ и сновидѣніяхъ. Какія пособія?—Морк. Что же содержитсяъ въ этой книгѣ?—Физиологія и психологія сна и сновидѣній. И только?—Да, отвѣчаю,—но хотѣлъ бы еще что почитать на тему. Папаша, немного подумавъ, привелъ меня въ другую комнату. Лѣвая стѣна вся была уставлена огромными шкапами съ книгами. Взявъ свѣчу въ мѣдномъ подсвѣчникѣ со стола, стоявшаго направо, съ кожанымъ диваномъ предъ нимъ, онъ подвелъ меня къ одной полкѣ и пальцемъ указалъ на одну книгу и велѣлъ прочитать заглавіе.

Читаю: *Schlaf und Todt von Splittgerber*. — Надо, говорить, обратить вниманіе на религіозно-мистическую сторону сновидѣній и еще что-то, не помню. А при прощальномъ благословеніи, какъ мнѣ показалось, съ ироническимъ отгѣнкомъ въ голосѣ и глазахъ замѣтилъ: а вы постарайтесь и собственный опытъ привлечь къ сочиненію, понаблюдайте за своими сновидѣніями, но быть-можетъ вы ихъ не видите!—Послѣднее вѣрно, своихъ сновъ обычно я не замѣчалъ и не помнилъ. Впрочемъ иронія-то быть можетъ и не было, она могла только показаться мнѣ. Дѣло въ томъ, что я любилъ работать надъ сочиненіями по ночамъ, со свѣчю, въ одиночной тишинѣ, когда всѣ уходили въ спальни. Вслѣдствіе этого приходилось иногда просыпать первыя лекціи. Да и послѣ обѣда, вмѣсто гулянья, я не прочь былъ полежать съ книгою въ рукахъ и нерѣдко по-стариковски вздремнуть. Поэтому иронія могла быть горѣніемъ шапки на ворѣ. Прочиталъ я книгу съ большимъ любопытствомъ, такъ какъ въ ней много сообщеній о таинственныхъ и загадочныхъ снахъ. Однакожь я отнесся къ этимъ рассказамъ съ сомнѣніемъ, сообщенія показались мнѣ научно не провѣренными, да и, признаться, побаивался психолога, почему-то казавшагося мнѣ позитивистомъ и эмпиристомъ. Но и ограничиться сокращеніемъ и систематизаціей разбросаннаго у Мори матеріала я считалъ какъ бы ниже студенческаго достоинства. Рѣшилъ оригинальничать: весь фізіологическій и психологическій матеріалъ Мори свелъ къ доказательству положенія, что сонъ для человѣка есть не природная необходимость, а унаслѣдованная вѣковая привычка. Кромѣ Мори и разныхъ собственныхъ своихъ соображеній и доказательствъ (не помню, какихъ, но вѣрно пустячныхъ и наивныхъ), я пустился и въ библейское богословіе. Въ Библии-де не сказано, чтобы Адамъ спалъ до того момента, когда Богъ „навелъ изступленіе (экстазъ по греч.) на Адама и онъ уснулъ“ (Быт. 2, 21 по LXX). Значитъ и сонъ Адама былъ не дѣломъ природы его и онъ прежде не спалъ, а подвергся сну только вслѣдствіе особаго и сверхприроднаго дѣйствія Бога на Адама въ экстазѣ, не составляющемъ прирожденной человѣку необходимости и т. д. въ томъ же родѣ. Пошла въ ходъ и семинарская еврейщина: *тардема*-де значитъ обморокъ, *летаргія*—состояніе исключительное, а не постоянное и нор-

мазное—и глаголь „и навелъ“ евр. *vaiantel*-гифиль, означаетъ какъ бы насильственное наведеніе Богомъ обморочнаго или летаргическаго сна на Адама, и тому подобное, чего теперь не припомню. Сочиненіе вышло огромное, 20 слишкомъ листовъ убористаго письма. Съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ я оцѣнки этого своего семинарскаго оригинальничанья. Наконецъ дождался: балль 5, и ни въ началѣ, ни въ концѣ, ни въ срединѣ ни единого замѣчанія, ни одной подчерки, даже тамъ, гдѣ за спѣшностью переписки были пропуски словъ и грамматическая бессмыслица. Ужъ читалась ли моя толстая тетрадь, даже прибѣгалась ли, даже смотрѣлась ли и ворочались ли листы? Не мое ли первачество въ приѣмномъ спискѣ и толстота тетради вызвали въ профессорѣ такую высокую оцѣнку, единственную для всего курса?—Вопросы эти остаются для меня неразрѣшенными доселѣ. Это сочиненіе, какъ и другія первокурсныя и семинарскія съ училищными упражненіями, къ сожалѣнію, сгорѣли въ пожарѣ дома родителя моего. Но я не особенно тужу объ этомъ сочиненіи: чувствую, что ничего дѣльнаго въ немъ быть не могло.

Во время рождественскихъ каникулъ написалъ проповѣдь назначенную мнѣ на Срѣтеніе. Взялъ текстъ Лук. 2, 25: „Человѣкъ сей праведенъ и благочестивъ, чая Утѣхи Израилевы“. Темою поставилъ: Христось какъ единственная и истинная утѣха человѣчества. Приступъ состоялъ въ изображеніи отчаяннаго состоянія человѣчества (іудейства и язмчества) предъ явленіемъ Христа Спасителя. На этомъ мрачномъ фонѣ отчаянія выступаетъ свѣтлая личность старца Симеона съ его радостнымъ ожиданіемъ Израилевой Утѣхи. Сравненіе съ современнымъ состояніемъ человѣчества, сходнымъ съ тогдашнимъ. Переходъ къ темѣ: и для прошедшаго и для настоящаго и для будущаго человѣчества есть только Одинъ Утѣшитель—Спаситель Христось. Раскрытіе темы—по отношенію къ уму, сердцу и волѣ. Заключенія не помяю. Получилось нѣчто спротяженно-сложенное, витѣватонапыщенное, но кое гдѣ и съ настоящимъ чувствомъ и искреннимъ одушевленіемъ. Читаль Ф. А. Сергіевскій, даль отличный отзывъ съ замѣчаніемъ: „но это не проповѣдь, а журнальная статья въ религіозно-нравственномъ духѣ“. Быть можетъ это былъ намекъ на то, чтобы послать статью

въ Душеполезку или въ какія епархіалки. Но я тогда и не мечталъ о такихъ затѣяхъ. Къ произнесенію моя проповѣдь допущена не была, даже въ сокращеніи. Вообще съ проповѣдями мнѣ не везло и въ семинаріи. Хвалили, ставили отличные баллы, но къ желанному мною произнесенію не допускали.

Послѣ рождественскихъ каникулъ до конца года дано было третье семестровое сочиненіе—по специальности, т. е. по патристикѣ. Но предварительно я подвергся сильному выговору отъ Папаши за несвоевременное возвращеніе товарищей въ академію. Числа 9-го или 10-го января призываетъ меня А. В-чъ и начинаетъ гнѣвно распекаеть меня: „Что это такое? Почему не являются студенты? Надо заниматься и дорожить каждымъ днемъ пребыванія въ Академіи, а они гдѣ, что дѣлають, чѣмъ занимаются?“ И такъ долго бранился возбужденнымъ тономъ и громко. Я воротился въ недоумѣніи, при чемъ же тутъ я? Разказалъ кое-кому изъ оставшихся старшихъ студентовъ. Меня успокоили сообщеніемъ, что это бываетъ съ Папашкою, не рѣдко распекаетъ и за нехожденіе на лекціи и за другое что,—не тѣхъ, кто виновенъ, а кого вздумается ему.

Темы по патристикѣ давалъ Н. И. Лебедевъ. Другихъ темъ не помню, кромѣ той, на которую я писалъ, какъ всегда, только одинъ, именно: „о философуменахъ“,—памятникъ, еще бывшемъ тогда на положеніи какъ бы новооткрытаго. Для сочиненія молодымъ приватъ-доцентомъ было дано: двѣ большія книги—Бунзена Hippolytus und seine Zeit и Деллингеръ—на ту же тему и еще какія-то, теперь не помню, статьи нѣмецкихъ журналовъ. Преподаватель требовалъ разобратся въ вопросъ объ авторѣ (Ипполитъ Римскій, по Бунзену,—или Оригенъ, по Деллингеру) и времени памятника. Замѣчательно, что самого памятника дано не было. При знаніи нѣмецкаго языка и критическомъ навыкѣ составить сочиненіе по даннымъ книгамъ и статьямъ не представлялось труднымъ. Но Папаша отвлекъ меня отъ этой работы въ другую сторону. При одномъ изъ посѣщеній его, сколько помню, уже великимъ постомъ, онъ спросилъ меня: на какую тему я пишу по патристикѣ?—Отвѣчаю. А. В-чъ, какъ мнѣ показалось, быть можетъ и невѣрно,—поморщился. Кажется, онъ не любилъ чисто критическихъ работъ. Что же я думаю на-

писать, спрашиваетъ. Говорю: опровергаю мнѣніе Деллингера о принадлежности философу менъ Оригену и вслѣдъ за Буизеномъ доказываю, что авторъ памятника Ипполитъ, епископъ Остіійскій (гавань близъ Рима). — Да, это такъ, — говоритъ А. В.—чѣ,—но объ этомъ пишите какъ можно короче, а лучше прочтите (вѣдь Вы знаете греческій языкъ?) двѣ послѣднія, 9-ю и 10-ю, книги памятника, изложите по-подробнѣе содержащійся въ нихъ историческій матеріалъ и сдѣлайте, какіе сможете, историческіе выводы и наблюденія,—пособія и матеріалы можете найти вотъ тутъ, въ нѣмецкихъ журналахъ, за такіе-то годы. Онъ показалъ нижнія части шкаповъ, сказавъ, что я послѣ ужина и обѣда могу приходиться сюда и искать нужныя статьи. А гдѣ же, спрашиваю, я найду самый памятникъ?—Какъ? Развѣ онъ не данъ вамъ?—Говорю: нѣтъ. А. В.—чѣ сейчасъ же пошелъ въ кабинетъ и вынесъ мнѣ третью часть 16-го тома Греческой Патрологіи Миня. Я немедленно же принялся за переводъ. Но время было уже упущено, искать и читать нѣмецкіе журналы мнѣ не пришлось, едва успѣлъ справиться съ Минемъ. Матеріалъ накопился обширный, а между тѣмъ Лебедевъ строго заявилъ, что болѣе восьми листовъ онъ не станетъ читать въ нашихъ тетрадяхъ. Надо было вогнать въ эти размѣры хотя бы все главнѣйшее. Ну и постарался. Гончайшимъ и мельчайшимъ письмомъ на восьми листахъ я написалъ сочиненіе въ трехъ частяхъ: критическая—объ авторѣ и времени (Ипполитъ), съ критикою Деллингера,— характеристика и общее содержаніе памятника, его источники и пр.,—и главнѣйшая и большая—историческая (борьба Ипполита съ Каллистомъ и пр.). Читателю навѣрно пришлось сильно утомлять свои глаза. Можетъ быть отъ спѣха и необычнаго для меня письма вкралось много орфографическихъ ошибокъ: на нихъ и на неразборчивость переписчика указалъ рецензентъ. Повидимому онъ не могъ допустить у меня такой безграмотности. Но переписывалъ я самъ, и теперь у меня при спѣшномъ письмѣ бывають такія же ошибки. Объясняю ихъ тѣмъ, что при перепискѣ мысль бѣжитъ впередъ: пишешь одно слово, а думаешь о другомъ и вносишь въ первое орфографію второго. Напримѣръ пишу такую фразу: сегодня послѣ обѣда я имѣю намѣреніе пойти въ поле. Пиша слово намѣреніе я уже думаю о полѣ и пере-

ношу букву е (поле) въ слово намереніе, и под. Впрочемъ по существу рецензія и баллъ даны отличные. Ознакомившись въ послѣдствіи съ докторскою диссертациею о. Иванцова, я много мнѣ знакомаго нашель въ ней. Сожалѣю и объ этой работѣ, что не напечаталъ ее своевременно: она то же сгорѣла во время вышеупомянутаго пожара.

Къ первому или началу второго курса, не помню точно, относятся слѣдующія мои воспоминанія о Папашѣ. Пришлось мнѣ прочитать изданныя за границею богословскія сочиненія Хомякова. При всей, какъ казалось мнѣ тогда, безтолковости и плохой литературности изложенія, мнѣ очень понравилась полемика съ католицизмомъ и протестантизмомъ.—особенно мысль, что протестантизмъ былъ порожденіемъ и продолженіемъ папистическаго раціонализма. Но идеей соборности церкви православной и связи православія съ славянствомъ, какъ католичества съ романскими, а протестантизма съ германскими народами,—я увлекся до восторженности. Тутъ я понялъ и то, что папашкинъ экспромтъ стоитъ въ связи съ идеями Хомякова. Студенты старшихъ курсовъ передавали, что Папаша интересуется Хомяковымъ. Было распространено среди насъ мнѣніе, что кандидатскую диссертацию можно писать на собственную свою тему хоть съ перваго курса. Тогда же я надумалъ писать по догматикѣ; не потому, чтобы мнѣ нравилась эта дисциплина, а потому, что меня что-то бессознательно влекло къ Папашѣ. Мнѣ нравился его видъ, черепъ, брови, глаза, борода, голосъ, манера говорить, его ряса. Рѣшилъ воспользоваться первымъ случаемъ поговорить съ нимъ объ этомъ. Въ одно изъ дежурствъ онъ спросилъ меня, что читаю я.—Только что, отвѣчаю, познакомился съ сочиненіями Хомякова. Спрашиваетъ о впечатлѣніяхъ. Говорю о путаницѣ въ изложеніи, повтореніяхъ, вообще литературной необработанности, но идеи соборности церкви, церковности славянства, папистическаго и протестантскаго раціонализма мнѣ весьма понравились. А. В.—чѣ, какъ будто не слушая меня и думая про себя, замѣтилъ: „у нихъ нѣтъ богословской школы, да и ничтоже ново подъ солнцемъ,—иже речеть: се, сіе ново есть,—уже бысть въ вѣцѣхъ прежде насъ (Екклес. 1, 10).—наши давно написали бы лучше“. Слова: „у нихъ“ и „наши“ онъ не пояснилъ. Тутъ я выскочилъ съ своимъ предложе-

ніемъ писать Папашѣ кандидатскую диссертацию на тему о Церкви. На это онъ отвѣтилъ приблизительно такъ: „Вотъ что скажу вамъ: еще въ студенчество свое я началъ читать Библію и Отцевъ въ подлинникахъ, тридцать лѣтъ профессорствовалъ по церковной исторіи, десять лѣтъ читаю догматику, приходилось работать и по патристикѣ, и по каноникѣ и по литургикѣ, знаю богослужебныя книги, а написать въ десять мѣсяцевъ сочиненіе о церкви я, пожалуй, не возьмусь,—не лучше ли писать Вамъ по догматикѣ церковно-богослужебныхъ книгъ,—а пока познакомьтесь съ ними и канонаршите у насъ“. А передъ этимъ я, по очереди, читалъ шестопсалміе, канонъ и часы,—и папашка мнѣ замѣтилъ, что видно у насъ въ семинаріи не заставляють читать за богослуженіемъ, да и дома меня не приучали къ этому. Я напомнилъ объ этомъ и онъ ничего не возразилъ противъ того, что я былъ бы канонархъ плохой и по голосу и по подготовкѣ. Тутъ А. В.—чъ спросилъ меня: что я дѣлаю послѣ обѣда? Большею частію, говорю, долблю новые языки и нерѣдко засыпаю за этимъ занятіемъ.—А мы, говоритъ А. В.—чъ, брали Библію или Отцевъ въ подлинникахъ и читали ихъ. Вѣроятно это былъ намекъ на то, что я хотѣлъ брать кандидатскую работу не по силамъ и что съ такою темою я не справлюсь. Думаю такъ потому, что въ это какъ разъ время А. В.—чу писалъ диссертацию И. Ѳ. Мансветовъ 30-го курса на тему: Новозавѣтное ученіе о Церкви,—впрочемъ напечатавшій и защитившій диссертацию уже долго спустя по смерти А. В.—ча, въ 1879 г. Несмотря на то, что я въ то время не имѣлъ особаго расположенія ни къ догматикѣ, ни къ церковно-богослужебнымъ книгамъ, я рѣшилъ тогда же работать на эту тему, только изъ-за Папашы, потому что именно онъ ее рекомендовалъ мнѣ и именно ему пришлось бы мнѣ работать. Но Богъ судилъ иначе: въ слѣдующемъ году А. В.—чъ заболѣлъ и умеръ въ томъ году, когда я писалъ кандидатскую диссертацию.

Здѣсь кстати сообщу мои воспоминанія по поводу церковно-богослужебныхъ книгъ. Въ дѣтствѣ и во время училищнаго курса, когда я стоялъ въ родномъ храмѣ на правомъ клиросѣ, эти громады въ почернѣвшихъ переплетахъ закапанныя воскомъ, представлялись мнѣ чѣмъ то въ родѣ сказочной черно-книжной магіи, — бабка сообщала,

что черныя книги замуравлены гдѣ то въ стѣнахъ стараго Іерусалима, и кто откопаетъ ихъ, тотъ можетъ дѣлать что угодно: превращаться въ звѣрей, птицъ, животныхъ, дѣлаться молодымъ изъ старика и пр. под. А псаломщикъ, подписывавшійся пономаремъ, Михаилъ Лукичъ, свободно бравшій книги, шумно ворочавшій листы и бойко читавшій ихъ и пѣвшій по нимъ,—казался чуть не колдуномъ чернокнижникомъ. Я вообще питалъ къ нимъ непонятный страхъ, хотя и хорошо зналъ, это это книги священныя и божественныя и что Михаилъ Лукичъ—нашъ пономарь, а не колдунъ. Въ училищѣ хотя и учился церковный уставъ, но знакомить съ богослужебными книгами не полагалось. Въ семинаріи, до 5-го класса, никакого касательства къ этимъ книгамъ тоже не полагалось. Знакомиться съ ними надо бы было при изученіи литургики, но ограничивались тѣмъ, что говорилось о нихъ въ учебникъ Смолодовича. И вотъ однажды, когда по гомилетикѣ практиковались въ экспромтныхъ поученіяхъ, преподаватель свящ. Глѣбовъ вызвалъ на середину и меня и далъ 15 минутъ на обдумываніе поученія—экспромта на тему: „книга типиконъ“. Никогда такой книги отдѣльно я не видалъ,—что содержится въ ней, не зналъ (или пропустилъ, по лѣности, урокъ въ учебникѣ, или же позабылъ). Простоялъ безмысленно 15 минутъ. Пришла очередь моя и всѣ въ классѣ съ преподавателемъ во главѣ устремили на меня взоры, вѣроятно ожидая, что я, какъ первый ученикъ, разражусь блестящей импровизаціей. Надо замѣтить, что большинство, если не всѣ, какъ то умѣли справляться съ этими импровизаціями, а нѣкоторые даже прямо таки блестящимъ образомъ. Стою. Потомъ раскрылъ было ротъ, чтобы произнести обычное: „во имя Отца“... и что-то вообще о богослужебныхъ книгахъ, какъ признаковъ того, что храмъ есть школа... Но, вмѣсто того, слезы брызнули изъ глазъ,—и 20-лѣтній молодой человекъ со стыдомъ и утирая слезы долженъ былъ сѣсть на свое мѣсто за парту. Послѣ такого пассажа опытовъ съ моею импровизаціей наставникъ, глубокое ему спасибо за это, не повторялъ уже ни разу.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось переводить богослужебныя книги, мнѣ очень нравятся служебныя минеи, октоихъ, особенно тріоди,—но типика доселѣ не люблю, при видѣ и имени его невольно всегда вспоминаю свои мальчишескія слезы и

не могу простить ихъ ни въ чемъ конечно не повинному типикону.

Однажды забрался я въ аудиторію на лекцію А. В—ча. Является старецъ, читается молитва, медленно входитъ на громоздкую кафедру, тяжело садится въ кресло, вынимаетъ тетрадь и высокимъ, какъ бы плаксивымъ, теноромъ медленно, почти пѣвуче, начинаетъ читать лекцію о первосвященническомъ служеніи Христа. Раскрытіе темы состояло въ анализѣ содержанія посланія къ Евреямъ — кратко, ясно, стройно. Впервые я постигъ тогда глубину мыслей и строгую систематичность посланія,—гвоздемъ мудреца зашло у меня это посланіе. Но вотъ какая странность: я и по сей часъ не увѣренъ въ томъ, дѣйствительно ли слышалъ я въ аудиторіи эту лекцію, или же это—сонъ, или же А. В—чь говорилъ это въ бесѣдѣ со мною, или даже—сообщеніе мнѣ кого другого. Ясно вижу А. В—ча читающимъ эту лекцію, отчетливо помню содержаніе лекціи, но былъ это или другое что, не могу рѣшить. Сообщаю это какъ психологическій курьезъ, могущій имѣть значеніе при критикѣ историческихъ памятниковъ, особенно разныхъ мемуаровъ.

Но вообще я не стремился преждевременно посѣщать лекціи А. В—ча, когда былъ на первомъ курсѣ, ибо зналъ, что онъ будетъ читать намъ догматику на третьемъ курсѣ. Притомъ, какъ говорили старшіе студенты, они не интересны. Сообщали однакожь объ его вольностяхъ: посланіе къ Евреямъ будто бы не признавалъ за писаніе ап. Павла,—отожествлялъ епископовъ и пресвитеровъ въ первохристіанское время,—превознесеніе Богоматери превыше херувимовъ и серафимовъ склоненъ былъ объяснять тѣмъ, что ангельская природа хотя сама по себѣ и выше человѣческой, но въ отношеніи къ богочеловѣчеству она ниже и одностороннѣе, такъ что обоженное человѣчество Богоматери ставить ее выше ангеловъ,—тѣмъ же склоненъ онъ былъ объяснять и Быт. 6, 2 и влеченіе злыхъ духовъ къ плоти, даже свиней. Въ напечатанныхъ лекціяхъ А. В—ча по евангельской исторіи опущено событіе на бракъ въ Канѣ и подвергнуто критикѣ сребролюбіе какъ мотивъ Іудина предательства. Извѣстна также его защита тезиса о возможности епископства для лицъ бѣлаго духовенства.

А. В—чь раздавалъ деньги взаймы студентамъ, согласно евангельскому повелѣнiю: „взаимъ дайте, ничесоже чающе“.

Сообщалось о встрѣчѣ А. В—ча въ академическомъ саду съ пьянымъ студентомъ,—жестоко и грубо, но безсознательно и безмысленно его обругавшимъ,—окончившейся примиренiемъ и взаимнымъ плачемъ оскорбителя и оскорбленнаго.

Отъ старшихъ студентовъ я слышалъ, что Папаша иногда посѣщалъ лекціи. Случалось, что и лекція неважная и слушателей скудость. Папаша сидѣлъ, хмурясь и вздыхая на всю аудиторію, такъ что эти вздохи слышалъ и лекторъ. Объясняли это желанiемъ Папашы выразить свое неудовольствіе лектору и отсутствующимъ студентамъ. Но въ виду открывшейся у него потомъ болѣзни сердца возможно объяснить это стѣсненiемъ дѣятельности сердца отъ внутренняго волненія. Волненіе доходило до внѣшнихъ вспышекъ. Однажды потребовалось оффиціальное объясненіе въ Совѣтъ отъ цѣлаго почти курса. Всѣ или большинство сослались на болѣзнь, получилось что то похожее на эпидемію, и дѣло оставлено безъ послѣдствій.

Разъ или два въ году совершался торжественный обходъ жилыхъ номеровъ въ часы занятій. Объ этомъ инспекторъ оповѣщалъ заранѣе, совѣтовалось облагаться книгами, преимущественно фоліантами старинными, тетрадками и проч. А. В—чь спрашивалъ, чѣмъ кто занимается, что читаетъ и пишетъ, давалъ совѣты. При мнѣ А. В—чь обходилъ номера во время писанія сочиненій по специальностямъ. Я раскрылъ Бунзена, Деллингера, Миня и пр. и тетрадку своихъ записей. А. В—чь уже зналъ о моей темѣ и не задолго предъ тѣмъ о ней говорилъ со мною. Благословивъ всѣхъ, онъ ни съ кѣмъ ничего не говорилъ особо, а только замѣтилъ: „пишете сочиненія по специальностямъ?“ Говорилъ ли что въ другихъ номерахъ, не знаю или не помню.

Каждый студентъ по порядку дежурилъ одинъ день во время лекцій: долженъ былъ въ журналъ записывать за каждымъ лекторомъ общее содержаніе лекціи и по окончаніи лекцій предъ обѣдомъ носить журналъ ректору. Большею частію эти журналы клались на столъ въ ректорскомъ приѣмномъ залѣ. Но иногда выходилъ самъ А. В—чь и спрашивалъ о подробностяхъ лекціи. Со мною это было однажды. А. В—чь спрашивалъ меня о лекціи по патристикѣ,—я из-

ложилъ содержаніе, такъ какъ особенно старался запомнить лекцію, зная о возможности допроса ректора. Никакихъ замѣчаній А. В—чь не сдѣлалъ.

Въ Прощеное Воскресеніе ректоръ А. В—чь, инспекторъ С. К. Смирновъ, экономъ іеромонахъ Ириней и, если не ошибаюсь, помощникъ инспектора Спасскій приходили въ столовую за общій ужинъ: кормили отмѣнно, послѣднимъ блюдомъ была очень вкусная каша изъ саги съ краснымъ виномъ. По окончаніи ужина происходило лобызаніе въ знакъ взаимопрошенія. А. В—чь совершалъ это торжественно, но и, какъ мнѣ казалось, съ какою-то застѣнчивостью и конфузливостью, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ въ чемъ-то виноватъ предъ студентами, считавшими его святымъ папашею, безъ тѣни какихъ либо недовольствъ и подозрѣній. Но многіе обходили эконома Ириней и не желали съ нимъ прощаться: были недовольны имъ и не любили его,—почему, не знаю.

Послѣ ужина два служителя А. В—ча, —Николай, изящный молодой человекъ въ сюртукѣ и крахмальной сорочкѣ, и другой по прощу, въ сѣромъ пиджакѣ, не помню имени, — являлись въ номера съ двумя большими подносами, наполненными гостинцами: орѣхами и конфетами, — предлагали каждому студенту. Мы не стѣснялись и захватывали въ горсти, сколько кто могъ.

Припоминаю проповѣдь, сказанную А. В—чемъ въ Великій Четвертокъ, предъ причащеніемъ студентовъ. Читалъ по тетрадкѣ, —громко, но монотонно и неинтересно, —объ Евхаристіи въ первохристіанствѣ, —что-то въ родѣ лекціи. Содержаніе проповѣди не помню такъ отчетливо, какъ представляю содержаніе выше упомянутой лекціи.

На Пасхѣ послѣ литургіи всѣ наличные студенты ходили христосоваться съ папашею. Около него на столикѣ стояла большая корзина съ красными яйцами: каждому собственно-ручно давалъ по два яйца. Въ отличіе отъ прощальнаго обряда, это дѣлалось съ какою то умильною радостію, какъ бы внутреннимъ сіяніемъ.

Такой же образъ папаша остался у меня отъ его служенія литургіи, особенно отъ возгласа: „благословеніе Господне на васъ, Того благодатію“... Къ чувству наивно-дѣтскаго благоговѣнія, вѣявшаго отъ папаша во всю обѣдню, тутъ

присоединялось еще умильно-радостное какъ бы сіяніе, особенно въ глазахъ. Благодаря папашѣ я полюбилъ самое чинопослѣдованіе литургіи, и доселѣ всегда и невольно представляю его образъ и этотъ его возгласъ, когда онъ произносится за литургіей.

И это—не личное мое впечатлѣніе: слухъ о благоговѣйномъ служеніи А. В—ча имѣлъ широкое распространеніе, многіе нарочно пріѣзжали послушать его служеніе и посмотрѣть его благообразный пресвитерскій ликъ.

Да, это былъ истинно Святой Отецъ!

И поистинѣ блаженъ я и похваляюсь тѣмъ, что, по изволенію Божію, хотя недолго и немного коснулось и меня вѣяніе духа папаша! Еще блаженнѣе тѣ, кои сподобились знать его долѣе и ближе! Блаженны всѣ, кто въ юные годы своего воспитанія и ученія имѣли возможность испытать благообразіе, благоговѣніе и любовь своихъ наставниковъ! Глубоко несчастны, напротивъ, тѣ, кого коснулись и можетъ-быть даже заразили напыщенность тщеславія, лицемѣріе ханжества, гримасничанье нигилизма и политиканство карьеризма. У нихъ нѣтъ ни святыхъ матерей въ лицѣ школь, ни святыхъ отцовъ въ лицѣ начальниковъ и наставниковъ. Это—люди безъ школы, преданій, образцовъ, соборности и, пожалуй, церковности.

Такимъ былъ А В—чь для всѣхъ питомцевъ Московской Академіи, его знавшихъ, какъ прежнихъ такъ и моего времени и курса. Исключеній, можно сказать, не было: одна—двѣ инсинуаціи, о коихъ срамно и воспоминать, надо, по моему, относить къ празднословію глупаго хулиганства, а не къ хулѣ на духъ папаша.

Никакихъ репетицій и практическихъ занятій или зачетовъ въ теченіе всего перваго курса на нашемъ богословскомъ отдѣленіи ни по спеціальности (т. е. патристикѣ), ни по предметамъ общеобязательнымъ—не было. Не было ихъ и на практическомъ отдѣленіи. Но они были, кажется, на историческомъ отдѣленіи по нѣкоторымъ предметамъ,—если не ошибаюсь, по общей гражданской исторіи—П. С. Казанскому и на 2-мъ курсѣ по какому то предмету.

Экзамены предварялись двумя или тремя, не помню, письменными сочиненіями или экспромптами, писавшимися каждый во время лекціонныхъ часовъ, отъ 9 до 2-хъ. Какое

значеніе имѣли эти экспромпты: провѣрку ли усвоенія каждымъ лекцій по той или иной наукѣ, или же удостовѣреніе въ сохранности у каждого студента способности мыслить и писать, — не знаю и теперь не могу дознать, за полнымъ забвеніемъ темъ и предметовъ, на кои и по коимъ писались эти экспромпты. Рѣшительно удостовѣрить могу только то, что ни та ни другая цѣль не достигалась, ибо общее содержаніе отвѣта было дѣломъ общекурсовымъ или общеотдѣленскимъ. За исключеніемъ одного-двухъ оригиналовъ, прочіе писатели вѣроятно мало чѣмъ отличались другъ отъ друга. Полное забвеніе мое о нихъ показываетъ ихъ ничтожество въ моемъ тогдашнемъ студенческомъ сознаніи.

То же долженъ я сказать и объ устныхъ экзаменахъ. По сравненію съ устными отвѣтами баллы по третнимъ сочиненіямъ брались въ четыре раза, (если не въ 8), проповѣдь въ три, экспромты въ два. Значеніе экзаменскихъ отвѣтокъ было весьма невелико. Это знали и преподаватели и студенты. Поэтому первые не особенно заботились о полнотѣ и системности курсовъ, а вторые не слишкомъ усердствовали въ изученіи того, что давалось къ экзамену. А давалось очень немного вопросовъ изъ прочитаннаго курса, писанныхъ на билетахъ, приблизительно отъ одного до двухъ листовъ. Билеты составлялись самими студентами или по лекціямъ или по книгамъ, а иногда и по измышленію составителей. Количество билетовъ было весьма невелико, немного болѣе числа экзаменатовъ, отъ 15 до 20. Для отвѣта достаточно было прочитать билетъ одинъ-два раза. Приходилось отвѣчать и не читая билета, по своимъ личнымъ познаніямъ и соображеніямъ, какія являлись во время уже самого экзамена. Вызывались къ экзаменскому столу съ партъ по три человекъ, — пока отвѣчалъ первый, двое имѣли время обдумать отвѣтъ. На экзаменѣ присутствовали трое: председатель — помощникъ ректора на отдѣленіи, у насъ В. Д. Кудрявцевъ, — профессоръ науки, по коей производился экзаменъ, — и ассистентъ. Вопросы и билеты ни по одной наукѣ не представляли полной системы, — да этой системы не было и въ самыхъ курсахъ. Читались отрывки изъ системъ, а на экзаменѣ давались отрывки этихъ отрывковъ.

Экзаменскіе билеты по философіи были составлены по лекціямъ В. Д. Кудрявцева, — просто и ясно. По психологіи было

нѣсколько билетовъ изъ новѣйшей исторіи психологій по Владиславлеву, часть билетовъ по семинарскому учебнику Чистовича и два билета, кажется объ ощущеніяхъ и апперцепціи, по лекціямъ проф. А. П. Смирнова—билеты темно изложенные и трудные для усвоенія. По Священному Мисанію Ветхаго Заѣта нѣсколько билетовъ изъ общаго введенія и о пятокнижіи, весьма элементарныхъ, по лекціямъ Н. А. Елеонскаго, заимствованныхъ изъ общаго комментарія Кейля. По греческому языку билеты были раздѣлены на четыре группы, по четыре-пяти билетовъ въ каждой. Какую группу училъ я на 1 и 2 курсахъ, я забылъ.—помню только, что на 3-мъ курсѣ я училъ группу билетовъ по новогреческому языку. По патристикѣ билеты были списаны съ предисловія къ переводу мужей апостольскихъ и апологетовъ, въ изданіи прот. П. А. Преображенскаго.

Прямѣчательно: несмотря на всѣ мои теперешнія усилія, я никакъ не могу припомнить ни одной экспромтной темы и ни одного устнаго отвѣта. Такъ слабо было дѣйствіе ихъ на мое сознаніе. Какъ будто ихъ и совсѣмъ не было. И это—всѣ экспромпты и экзамены всѣхъ трехъ курсовъ.

На второмъ курсѣ общеобязательными предметами были, кромѣ древнихъ и новыхъ языковъ: основное богословіе и исторія философіи.

Основное богословіе читалъ доцентъ Н. Д. Петропавловскій, потомъ протоіерей Московскій. Высокаго роста и весьма представительный. Какъ лекторъ онъ представлялся намъ большимъ курьезомъ. Сѣвъ на кафедрѣ и вынувъ тетрадь, онъ начиналъ издавать такіе звуки, кои я затрудняюсь выразить точнымъ терминомъ. Похожее что-то на откашливаніе отъ удушья или застрявшей въ горлѣ кости. Но обычное откашливаніе даетъ отрывистые и короткіе звуки. А тутъ—продолжительные, тянущіеся, какъ бы пѣвучіе, съ аккомпаниментомъ шипѣнія и присвиста,—нѣсколько похожіе на тѣ, что издаются страдающими астмою, или катарромъ горла. Такое шипѣніе и присвистъ продолжались нѣсколько секундъ, даже около минуты. Потомъ, повертывая лицо на право и налѣво, лекторъ начиналъ читать необычайно быстро, отрывочно и, главное, совсѣмъ тихо, еле слышнымъ шопотомъ, такъ что невозможно было не только записать лекцію, но и уловить ее слухомъ. Поэтому я не помню содержанія

ни одной лекціи. И если бы А. В. Горскій сталъ заставлятъ дежурныхъ излагать содержаніе этихъ лекцій, что онъ нѣредко дѣлалъ на прошломъ первомъ курсѣ,—намъ пришлось бы играть столбняка. Но А. В.—чѣ ниразу этого не сдѣлалъ: уже начиналась его болѣзнь, въ декабрѣ заставившая его взять отпускъ для отдыха и леченія. Читалъ И. Д. Петровлавловскій что-то о религіи вообще и о религіяхъ языческихъ въ отношеніи къ христіанству. Общее представленіе о содержаніи лекцій могутъ дать позднѣшіе печатные труды П—го. Но только самое общее, ибо нѣмецкій строй лекцій въ нихъ весьма значительно перестроенъ на русскій ладъ. Такъ сужу по тѣмъ тетрадкамаъ, что далъ намъ П—скій для экзамена при ревизорѣ, представлявшимъ необработанно-буквальный переводъ Пфлейдерера. Судя по послѣдующимъ литературнымъ трудамъ П—скаго, написаннымъ уже во время священническаго служенія его на московскомъ приходѣ, надо полагать, что изъ него выработался бы прилежный, дѣльный и серьезный ученый апологетъ христіанства. какъ изъ Н. А. Елеонскаго получился бы дѣльный библіологъ. Но многочадіе обоихъ почти сверстниковъ по курсамъ (26 и 27-го курсовъ) вынудило ихъ, при скудости предстоявшаго имъ если не всегдашняго, то многолѣтняго доцентства, промѣнять Академію на Московскія священническія мѣста.

Исторію философіи читалъ экстраорд. проф. В. Н. Потаповъ, по внѣшней сторонѣ, такой же курьезъ, какъ и П—скій. Съ больнымъ сердцемъ и, кажется, безъ одного легкаго, онъ хрипло и гнусаво, торопливымъ темпомъ прочитывалъ всю исторію философіи: греческой, средневѣковой и новоевропейской. кончая Шопенгауеромъ. И это—при четырехъ, по росписанію, и двухъ—на дѣлѣ, часахъ въ недѣлю, т. е. около 90, вѣрнѣе 45 часовъ во весь курсъ! Ясно, что такая широта курса могла достигаться только на счетъ его специализаціи. Перечисленіе именъ, нѣсколько замѣтокъ о жизни и личности философовъ, списокъ ихъ идей и сочиненій, связь съ предшественниками и преемниками—всѣ эти имена, даты, идеи скакали у лектора какъ имена поминаній у дьячковъ въ родительскія субботы. Записать лекціи не было возможности, запомнить—тѣмъ болѣе. Но, судя по всему, лекціи были весьма содержательны и учены. Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что В. Н.—чѣ въ подлинникахъ

зналъ греческихъ, средневѣковыхъ и новыхъ философовъ, если не всѣхъ и не всѣ ихъ сочиненія, то главнѣйшихъ и главнѣйшія. Онъ былъ глубокой знатокъ языковъ классическихъ, особенно греческаго (долгое время состоялъ переводчикомъ и редакторомъ святоотеческихъ твореній, издаваемыхъ Моск. Дух. Академіей), и свободно владѣлъ англійскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и, кажется, итальянскимъ. Ему принадлежитъ фраза, сказанная имъ о В. Д. Кудрявцевѣ: „это—философъ, не читавшій ни одного философа“. Изъ нея видно, какъ понималъ онъ свое званіе профессора исторіи философіи. Вообще онъ, кажется, не склоненъ былъ чтить В. Д—ча, именно за его не всестороннюю начитанность въ философахъ, хотя въ оправданіе В. Д—ча надо сказать, что его дисциплина метафизики и логики, кажется, могла обходиться и безъ специализаціи въ изученіи философскихъ оригиналовъ и безъ погруженія въ детальное изученіе твореній всѣхъ философовъ. Для меня важенъ идеаль философа, о коемъ мечталъ и коего конечно желалъ достигнуть самъ В. Н—чь. И если трудно признать, чтобы В. Н—чь достигъ здѣсь совершенной полноты, то во всякомъ случаѣ онъ ставилъ это своимъ идеаломъ, хотѣлъ и домогался этого. И когда въ компаніи, гдѣ произнесъ онъ выше приведенную фразу о Кудрявцевѣ, мы (тогда уже преподаватели академіи) спросили: кого же онъ считаетъ философомъ въ Россіи,—онъ отвѣтилъ: „Романа Ильича Левитскаго (34-го курса, потомъ въ 1880-мъ году ставшаго на недолго приватъ-доцентомъ по основному богословію, на мѣсто И. Д. Петропавловскаго,—и вскорѣ умершаго) и Михаила Ивановича Каринскаго“. (Бесѣда происходила, кажется, въ годъ полученія Каринскимъ доктора философіи въ Петрогр. университетѣ и избранія Левитскаго приватъ-доцентомъ, послѣ защиты *pro venia legendi*, Москов. академіи, т. е. въ 1880 или 1881-мъ году).

Спеціальными предметами богословскаго отдѣленія на второмъ курсѣ были два: еврейскій языкъ по 3 часа въ недѣлю и сравнительно богословіе по 4 часа. Первый преподавался весьма опытнымъ и умѣлымъ профессоромъ П. И. Горскимъ, знаткомъ не только еврейскаго и сродныхъ ему, но и греческаго, латинскаго и трехъ новыхъ—нѣмецкаго, французскаго и англійскаго. Въ послѣдствіи мнѣ пришлось узнать,

что имъ выписывались важнѣйшія новинки его науки на указанныхъ трехъ языкахъ, и онъ тщательно слѣдилъ за литературою своего предмета по періодическимъ изданіямъ на этихъ языкахъ. За помощью по халдейскому языку мнѣ пришлось обращаться къ нему потомъ, при писаніи кандидатской диссертациі. Для преподаванія еврейскаго языка она владѣла тремя полезными приемами. Первый: онъ умѣлъ облегчить запоминаніе трудностей, особенно для тѣхъ, кто впервые приступалъ къ изученію языка,—написавъ, напримеръ, первую букву мѣломъ на доскѣ, онъ, прибавляя при словѣ „да—съ“ едва не къ каждому слову, пояснялъ: *алефъ*, да—съ, первая буква, значитъ быкъ, да—съ, въ древне-финикійскомъ письмѣ ясно видна, да—съ, бычья голова, да—съ, съ двумя рогами, да—съ, и теперешнее начертаніе въ квадратномъ письмѣ (предварительно сообщалась краткая исторія письма) нѣсколько сходно съ финикійскимъ,—*бетъ*—домъ, да—съ, сходство съ домомъ есть, вотъ и крыша, да—съ, *гимель*—верблюдъ, и въ теперешнемъ и въ древнемъ письмѣ напоминаетъ горбатаго съ длинною шею и головою верблюда,—*далетъ*—дверь, и т. д.,—или въ такомъ родѣ: *патакъ*, да—съ, любитъ сочетаніе съ *шевою* и под. Второй: онъ сокращалъ теорію до мало вѣроятнаго минимума, преподавая ее мѣсяца полтора—два, не болѣе, и быстро переходя къ переводной практикѣ студентовъ. Третій: онъ умѣлъ заставить студентовъ учиться языку строгостью на экзаменахъ и задаваніемъ каждому перевода едва не чрезъ недѣлю, чему благопріятствовало малое число студентовъ, около 12, въ среднемъ. Благодаря этимъ приемамъ и рѣдкой способности П. И—ча повторять одно и то же до безконечности, всѣ до одного, въ теченіе года, выучивались безъ особыхъ затрудненій разбираться въ переводѣ еврейской библіи и во всѣхъ почти тонкостяхъ экзегеса. Однакожь, въ послѣдніе годы профессорства П. И—ча, дѣло измѣнилось къ большому худу. По ходатайству Совѣта, при дѣятельномъ участіи самого же П. И—ча и по его главному почину, еврейскій языкъ сдѣланъ былъ общеобязательнымъ предметомъ: большая аудиторія для такого преподаванія неудобна, большинство и не желало учиться языку, считало для себя это ненужнымъ, даже вреднымъ,—кончилось тѣмъ, что мнѣ пришлось сидѣть ассистентомъ на экзаменѣ у П. И—ча, когда

студенты отвѣчали каждый свою строчку, съ надписанными по русски чтеніемъ, разборомъ и переводомъ. Быть можетъ такое положеніе дѣла побудило, между прочимъ, П. И—ча ускорить свой выходъ въ отставку, до полученія докторской степени и ординатуры.

Онъ же, на 3-мъ курсѣ, преподавалъ библейскую археологію, 2 часа въ недѣлю. Сообщались только самыя общія и краткія свѣдѣнія: о скинии, ея устройствѣ, принадлежностяхъ; о священныхъ лицахъ, ихъ одеждахъ, обязанностяхъ, — о жертвахъ и пр. Сообщенія сопровождались въ концѣ лекцій показываніемъ печатныхъ рисунковъ изъ какого то учебника. Все было просто, интересно, запоминалось легко. Помню, что я съ нѣкоторыми товарищами (П. В. Тихомировымъ и еще съ кѣмъ то) очень интересовались скиніей, особенно расположеніемъ на ней верхняго покрова. На одной лекціи, когда показывался рисунокъ стола съ хлѣбами предложенія (П. И—чь называлъ ихъ лепешками), кто то спросилъ П. И—ча: прѣсные или кислые были эти хлѣбы?—П. И—чь смутился и не могъ ничего отвѣтить. Привожу это въ показаніе того, какъ простые предметы могутъ ставить въ тупикъ людей, привыкшихъ вращаться въ сложныхъ умственныхъ процессахъ.

Среди студентовъ П. И—чь считался человѣкомъ стойкихъ убѣжденій, ревнителемъ правды и героемъ честности. Какія дѣянія П. И—ча могли дать основаніе для выдѣленія его изъ корпораціи профессоровъ и надѣленія его такими качествами преимущественно предъ другими членами ея, я не зналъ тогда.

П. И—чь былъ только членомъ Совѣта, вѣдавшего одну учебно-ученую часть, — и никакого касательства къ Правленію и академическому хозяйству не имѣлъ. Теперь думаю, что это могло быть отголоскомъ докторства П. С. Казанскаго, дяди П. И—ча, — и полного провала П. И—ча, когда онъ съ С. К. Смирновымъ баллатировался на должность инспектора академіи.

Ученое реноме П. И—ча стояло очень высоко, чуть не прямо послѣ А. В. Горскаго. Говорили, что ему поручено академіей наукъ изданіе еврейскаго лексикона. Слухъ этотъ, повидимому, былъ вызванъ дѣйствительнымъ намѣреніемъ П. И—ча издать переводъ какого-то еврейскаго лексикона, не то Шюрера, не то Штракка.

Но ученый авторитетъ П. И—ча еще выше поднялся послѣ его критическихъ выступленій противъ Михаила и на докторскомъ диспутѣ С. К. Смирнова. Отгиски своихъ критическихъ статей противъ Михаила изъ Православнаго Обозрѣнія П. И—чь, говорилось (лично не знаю), читалъ студентамъ старшихъ курсовъ, съ такимъ предсловіемъ: „Да—съ, покажу Вамъ, господа, какъ не подобааетъ писать ученые труды и какъ подобааетъ писать критику на нихъ“. Если это и анекдотъ, то онъ весьма характеренъ. На нашемъ курсѣ онъ только раздалъ свои брошюры съ замѣчаніями, въ духѣ выше приведеннаго. Эти выступленія П. И—ча были одною изъ другихъ многихъ причинъ какъ бы временнаго затмѣнія профессорско-ученаго авторитета Михаила, чему содѣйствовали и довольно еще слышныя тогда отзвуки студенческихъ волненій во время недавняго инспекторства его. Имъ объясняется сообщеніе Высокопр. Николая Варшавскаго о присоединеніи къ прежнему студенческому прозвищу Михаила „Водолей“ новаго „раввинъ Равва“ (эпитетъ *большой* толкованій древне-еврейскихъ на пятокнижіе архим. Михаилъ превратилъ въ имя раввина) и о надписи въ бесѣдкѣ академическаго сада: „Мишка водолей, знаменитый Раввинъ Равва“, которую прочиталъ и самъ Михаилъ, во время ежедневнаго посѣщенія имъ бесѣдки, послѣ обыкновеннаго променада по аллеѣ акад. сада. Впослѣдствіи, если не ошибаюсь, отъ преподавателя Моск. Семинаріи Д. П. Боголѣнова я узналъ, что архим. Михаилъ и П. И—чь собирались издавать комментарий вмѣстѣ. Но Михаилъ, или по недовѣрью къ работоспособности П. И—ча, или изъ другихъ соображеній, взялся за дѣло единолично, устранивъ П. И—ча. Этимъ объяснялось и рѣзкость критики П. И—ча и освѣдомленность его въ пособіяхъ Михаила.

На докторскомъ диспутѣ С. К—ча возраженія П. И—чь выяснили, что нашъ инспекторъ вовсе не такой знатокъ греческаго языка, какимъ мы его считали. Ни одного изъ многочисленныхъ возраженій П. И—ча я теперь не могу воспроизвести. Помню только, что С. К—чь почти все время молчалъ, а подъ конецъ какъ будто проницательно самъ сталъ указывать П. И—чу и еще другіе недостатки своей работы вродѣ тѣхъ, какими допымалъ его оппонентъ.

Но самъ П. И—чь, при проницательномъ умѣ, обширной

памяти и больших лингвистическихъ знаніяхъ, не отличался научно-литературною производительностью. Исторія Тридентскаго собора—магистерская диссертация, при обычномъ и широкомъ соучастіи А. В. Горскаго,—переводъ 76—156 псалмовъ, двѣ—три небольшихъ статей—критическихъ и публицистическихъ, столько же замѣтокъ по іерусалимской топографіи, да кратко-популярное экзегетическое обзорнѣе книги Исходъ: вотъ и всѣ, если не ошибаюсь, печатные труды П. И—ча.

Сравнительное богословіе преподавалъ Николай Михайловичъ Иванцовъ, младшій братъ извѣстнаго протоіерея А. М. Иванцова-Платонова, профессора церковной исторіи въ Московскомъ Университетѣ и законоучителя Московскаго военнаго Александровскаго училища. Официально онъ носилъ не имѣвшееся въ тогдашнемъ академическомъ уставѣ званіе исправляющаго должность доцента. Званіе доцента носили, какъ и теперь, магистры, для коихъ не было свободной штатной экстраординатуры,—званіе ординарнаго профессора имѣли доктора, занимавшіе штатную ординатуру,—а званіе экстраординарнаго профессора—магистры и доктора, состоявшіе на штатной экстраординатурѣ. Званіе приватдоцента носили кандидаты-магистранты (т. е. сдавшіе магистерскій экзаменъ и еще не защитившіе магистерской диссертации), защитившіе *pro venia legendi* (сочиненіе, замѣнявшее магистерскую диссертацию и дававшую право на чтеніе лекцій) и занимавшіе какъ штатныя такъ и нештатныя кафедры (напр. исторію Византіи И. И. Соколовъ). Но Н. М. Иванцовъ кончилъ по старому уставу, не представивъ курсоваго сочиненія, за которое давались степени кандидата или магистра (за лучшія), безъ напечатанія ихъ и публичной защиты. Онъ, какъ и многіе другіе товарищи 27-го курса 1870 г., оставленъ „безъ присужденія ученыхъ степеней за непредставленіемъ сочиненій, или за представленіемъ оныхъ въ неоконченномъ видѣ“. Сочиненіе И-въ писалъ А. В. Горскому на тему о церкви. Оно такъ и осталось не написаннымъ или неоконченнымъ до самаго выхода Иванцова изъ Академіи въ московскіе іереи, по уставу 1884 года, уничтожившему отдѣленія и кафедру сравнительнаго богословія. Начинать было Иванцовъ печатать что-то изъ своей диссертации, но такъ и застрялъ на началѣ, въ дебряхъ мелочной полемики

съ нѣмцами. Впослѣдствіи, когда я уже преподавателемъ академіи ближе познакомился съ Н. М-мъ, было ясно, что онъ, надѣленный многочадіемъ, какъ и его товарищъ Петропавловскій, смотрѣлъ вонъ изъ Посадской Академіи въ Москву на іерейство. Уставъ 1884 г. разрѣшилъ вѣльное положеніе преподавателя академіи, не имѣвшаго никакой ученой степеніи. И впослѣдствіи, на священническомъ и потомъ протоіерейскомъ мѣстѣ, онъ не напечаталъ ничего, кромѣ одной-двухъ проповѣдей. Очевидно Н. М. совсѣмъ никакого призванія не имѣлъ къ учено-литературной дѣятельности. Вѣроятно эта ошибка А. В-ча, возлагавшаго надежды на И-ва и взявшаго его на свою отвѣтственность при оставленіи его на кафедрѣ сравнительнаго богословія, была причиною того, что онъ такъ рѣшительно отклонилъ меня отъ темы о церкви, не желая повторять неудачный опытъ и потомъ ограничивъ тему однимъ Новымъ Завѣтомъ.

Приземистый, съ большою круглою безволосою головою и и кругло подстриженною бородою, въ визиткѣ темножелтоватаго цвѣта вмѣсто обычнаго фрака другихъ лекторовъ,—съ необычайно широкими бѣлыми манжетами и большими золотыми запонками,—съ толстою золотою цѣпочкою при часахъ на жилетѣ. Прибавить надо неуклюжія, претендовавшія, повидимому, на расторопность, движенія и постоянное при словіе съ, напр.: „католичество-съ, по моимъ крайнимъ убѣжденіямъ-съ, представляется-съ дальнѣйшимъ развитіемъ тенденцій языческаго Рима-съ“. Все это напоминало прикащика изъ торговыхъ рядовъ или пассажировъ. Нашимъ курсомъ или прежними ему дано было прозвище: „крайнія убѣжденія“,—говорили: „сегодня лекція крайнихъ убѣжденій, пишу сочиненіе крайнимъ убѣжденіямъ“ и под. Особенно ярко вспоминается его фраза на одной изъ лекцій: „Я-съ, господа, по моимъ крайнимъ убѣжденіямъ, преданъ славянофильству,—открыто-съ признаю всѣ ихъ воззрѣнія и заявляю-съ вамъ это“. Чѣмъ объяснить эту выходку? Можетъ быть тѣмъ, что А. В. Горскій не раздѣлялъ многихъ взглядовъ Хомякова и другихъ славянофиловъ, даже писалъ противъ Хомякова,—и Н. М. Иванцовъ, становясь въ явную оппозицію Горскому, хотѣлъ свалить на него свою неработоспособность по магистерству: разошлись-де въ крайнихъ убѣжденіяхъ. Надо замѣтить, что въ декабрѣ этого года А. В. уже заболѣлъ без-

надежно и взялъ потомъ отпускъ. Можетъ быть тутъ значило что-нибудь и то, что популярный тогда братъ Н. М-ча протоіерей Иванцовъ-Платоновъ открыто принадлежалъ къ кружку славянофиловъ.

Лекціи Н. М-чъ читалъ или говорилъ рѣдко, отчетливо, внятнѣмъ баскомъ, каждое слово можно было не только слышать, но и записать. Не смотря на то, въ моей памяти не сохранилось ни одной цѣльной лекціи. Припоминаются обрывки о восточныхъ церквахъ,—что-то объ ихъ православности и неправославности,—буквально по какой-то, позабылъ, русской книжкѣ. О католичествѣ—общее введеніе по Хомякову, а потомъ непроходимыя дебри схоластическихъ споровъ объ *opus operans* и *opus operatum*. О протестанствѣ ничего не помню. Языкъ лекціи—періодичный, спротяженносложенный, вялый и тягучій. Каждый вопросъ растягивался на мѣсяды, и ввести слушателя въ логическій ходъ своихъ мыслей лекторъ не умѣлъ. Общее впечатлѣніе: протенціозность бездарности и утомительность безцвѣтности.

Достаточно подучивъ новые языки на первомъ курсѣ и въ каникулы, я рѣшилъ на второмъ курсѣ заняться спеціальнымъ изученіемъ какой-либо одной дисциплины. Мысль о церкви и папашѣ была брошена, когда стала извѣстна его неизлѣчимая болѣзнь. Избралъ исторію философіи и Василия Никифоровича Потапова. Изъ трехъ сочиненій я все время работалъ серьезно только надъ одною изъ его темъ: „Философскія воззрѣнія Джіордано Бруно и вліяніе ихъ на новую философію“.

На другія двѣ темы я писалъ почти экспромptomъ и прямо забѣло. По основному богословію Петропавловскому. „Справедливо ли утверждаетъ пантеизмъ, что личная форма бытія не можетъ принадлежать Богу, какъ существу абсолютному?“—Писалъ не болѣе двухъ дней, чтобы только отдѣлаться формально. Къ своему удивленію получилъ отличную отмѣтку и похвалу за способность къ глубокому философскому мышленію и еще что-то о высотѣ метафизическаго созерцанія—въ довольно напыщенной рецензіи. Сочиненіе потомъ, въ минуту приватъ-доцентства трудную, было напечатана мною въ „Православномъ Обзорѣніи“ подъ заглавіемъ: „Личность и абсолютность“, съ подписью М.

Еще небрежнѣе отнесся я къ сочиненію по сравнитель-

ному богословію: „Справедливо ли мнѣніе А. С. Хомякова, что протестантское отношеніе къ Библии отзывается фетишизмомъ?“ За буквальную точность не ручаюсь. Такъ какъ при объявленіи этой темы въ аудиторіи И-въ еще разъ заявилъ себя приверженцемъ Хомякова и славянофиломъ, то я избралъ эту тему, чтобы какъ можно легче и скорѣе сбыть сочиненіе съ рукъ: вѣдь критиковать не требовалось, а изложить мысли Хомякова было слишкомъ легко и недолго. Послѣ обѣда до ужина написалъ два листа, а Хомякова читалъ уже ранѣе, и теперь только подчиталъ утромъ до обѣда. Изложивъ въ нѣкоей системѣ мысли Хомякова, я закончилъ такъ: „По моему убѣжденію (хотѣлъ прибавить „крайнему“, но побоялся) Хомяковъ безусловно справедливъ и оспаривать его невозможно“. Ни о какомъ приличномъ баллѣ я и не мечталъ, подумывалъ даже о неудовлетворительной отмѣткѣ и написаніи другого сочиненія. Каково же было мое удивленіе, когда Н. М-чъ черезъ посѣщавшихъ его по вечерамъ земляковъ позвалъ меня къ себѣ и спросилъ, доволенъ ли я буду балломъ 4. Повидимому Н. М-чъ думалъ, что я напишу другое и обстоятельное сочиненіе, на какую-либо другую тему,—и, кажется, онъ и давалъ мнѣ понять это. Но, теперь ужъ къ удивленію Н. М-ча, я былъ чрезвычайно доволенъ отмѣткою и благодарилъ за снисходительность, заявивъ, что занятъ работою по исторіи философіи и не хочу отъ нея отрываться. Впрочемъ замѣчу, что при предданной И-мъ справедливости возрѣвній Хомякова, я рѣшительно не находилъ возможнымъ, и теперь не нахожу, написать еще что, кромѣ систематическаго изложенія мыслей Хомякова объ этомъ предметѣ его же собственными словами. Баллъ поставленъ не за сочиненіе, а за тему, на которую ничего болѣе нельзя было написать.

Свой трудъ и свое вниманіе я посвятилъ исключительно изученію возрѣвній Джіордано Бруно. Вопросъ поставилъ широко, расширивъ тему выясненіемъ связи возрѣвній Бруно съ всею предшествовавшей исторіей философіи. Кромѣ специальныхъ пособій по философіи Бруно—франц. Бартольмессъ (Bartholmess) и еще какія-то нѣмецкія—для предшествовавшей философіи я читалъ исторію греческой философіи Целлера, Владиславлева о Плотинѣ, исторію средневѣковой философіи

Штöкля, спеціально о Николаѣ Куза (или Кузанскомъ) Клеменса, Шарфа, Циммермана и еще что-то не помню,—по новой исторіи Куно-Фишера, Кузена и др. Матеріаль набрался обширный. Но у насъ на курсѣ было распространено мнѣніе, что В. Н. Потаповъ чуть не фанатикъ краткости поминаній, въ стилѣ своихъ лекцій,—не терпитъ ничего лишняго, при изложеніи философскихъ взглядовъ требуетъ словъ самаго философа, безъ своихъ разглагольствій и поясненій. Наконецъ, едва ли не самъ В. Н. при объявленіи темъ сказалъ, чтобы писали не болѣе восьми листовъ. На выполненіи этихъ требованій я и сосредоточилъ свое вниманіе, не думая и, вѣроятно, не будучи способенъ къ какой-либо оригинальности въ данномъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ все мое стараніе было направлено къ тому, чтобы не написать ни одной фразы безъ ссылки на пособіе, думая показать этимъ свою ученость и трудъ. И... очень ошибся. Оказалось, что В. Н. очень любитъ и одобряетъ оригинальность. Этимъ объясняется, что онъ, скупой на баллы, поставилъ сверхъ-обычное 5 + на сочиненіи совсѣмъ невыдававшемуся у насъ Лапчинскому и моложе насъ двумя курсами, дѣйствительному оригиналу и философу, вышеупомянутому Роману Левитскому. Впослѣдствіи однокуреникъ П—ва П. И. Горскій сообщалъ, что студенческія сочиненія В. Н—ча отличались необыкновенной оригинальностью и тонкостью анализа. Къ сожалѣнію В. Н—чъ принадлежалъ къ тѣмъ философамъ, у коихъ не написанное или умолчанное слово считается золотымъ и выше всего цѣнится *ars tacendi*: служба искусству молчанія, онъ копилъ это золото и своими словами и своими писаніями. Поэтому онъ напечаталъ, если не ошибаюсь, только двѣ официально-неизбѣжныя свои работы: курсовое сочиненіе о пророкѣ Давидѣ и актовую рѣчь о взаимодѣйствіи вещей.

Сочиненіе мое получило отличную отмѣтку 5 и нѣсколько обширныхъ похвалъ за краткость, точность, обстоятельность и т. д. Но по отмѣткѣ и по общности рецензій видно было, что оно не удовлетворило В. Н—ча. Судя по замѣчаніямъ рецензента на поляхъ, онъ отлично зналъ и литературу предмета и подлинники. Особенно удивила меня замѣтка противъ моего утвержденія, что монаду впервые ввелъ въ философію Джіордано Бруно: „ученіе о монадахъ было и

ранѣе*. Что и кого разумѣлъ В. Н—чъ, доселѣ не знаю. Впослѣдствіи, будучи сослуживцемъ и знакомцемъ В. Н—ча, я могъ бы спросить у него разъясненія, но, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ этого. Доселѣ ничего другого не могу придумать, кромѣ комбинаціи термина монада съ понятіемъ идеи у Платона или монады—души Филона, или же сближенія съ пифагорейскою монадою. Но это ли разумѣлъ В. Н—чъ, не знаю. Во всякомъ случаѣ все это далеко отъ монадологіи Бруно. Эта какъ и другія подобныя замѣтки показываютъ въ В. Н—чѣ глубокаго знатока первоисточниковъ исторіи философіи въ подлинникахъ. И это сочиненіе мое напечатано тамъ же и по тѣмъ же побужденіямъ.

Проповѣдь мнѣ назначена была на Покровъ — храмовой академической праздникъ и день торжественнаго публичнаго акта. Назначеніе почетное. Повидимому, назначавшій ждалъ отъ меня что-то. Вѣроятно это былъ Ф. А. Сергіевскій, читавшій проповѣдь перваго курса и уже перешедшій изъ академіи въ Виенскую семинарію ректоромъ. Но если я ужъ такъ пренебрегъ сочиненіями по основному и сравнительному богословіямъ, отдавшись исторіи философіи, то проповѣдь-то и тѣмъ болѣе: не до проповѣди было. Притомъ неизвѣстенъ былъ рецензентъ. Набросалъ на листѣ разгонистаго письма нѣсколько мыслей о значеніи духовной науки для общества, въ духѣ Іоанна Смоленскаго, коимъ я былъ увлеченъ еще съ 5-го класса семинаріи. Своевременно проповѣдь не была прочтена и одобрена къ произнесенію, — читалъ ее уже въ концѣ года поступившій на мѣсто Сергіевскаго приватъ-доцентъ В. Ѡ. Кипарисовъ. Поставленъ былъ баллъ 5—безъ всякихъ помѣтъ и замѣчаній. Проповѣдь совсѣмъ плохая и такого балла не заслуживавшая, — съ большими претензіями, но безъ всякихъ достоинствъ.

Дѣло писанія проповѣдей вообще поставлено было плохо. За самыми ничтожными исключеніями, ихъ беззащѣтливо списывали съ разныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, а большею частію съ рукописныхъ сборниковъ, добывавшихся у сельскихъ и городскихъ батюшекъ. На первомъ курсѣ мой товарищъ священникъ Архангельскій владѣлъ такимъ сборникомъ и списалъ съ него проповѣдь. Предъ днемъ произнесенія призываетъ его проф. свящ. Ф. А. Сергіевскій и спрашиваетъ: есть ли подавная проповѣдь твореніе самого

Архангельскаго. Чуть ли не священническою совѣстію началъ клятися и ротитися о. А. въ принадлежности ему проповѣди. Но вѣдь, закончилъ сцену Сергіевскій, это моя же проповѣдь, напечатанная въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ.—Не зналъ я, куда дѣваться отъ стыда, говорилъ о себѣ отецъ Архангельскій, самъ рассказавшій о себѣ эту исторію. При всемъ томъ проповѣдь была признана удовлетворительною и о. Архангельскій не писалъ другую, взамѣнъ ея. Отсюда видно, какъ небрежно относились къ проповѣдямъ и студенты, и самъ профессоръ.

Въ концѣ года явился ревизоръ—архіеп. Макарій Литовскій (Булгаковъ, извѣстный историкъ и богословъ, потомъ митрополитъ Московскій). Появленіе его было весьма торжественное. Этому появленію предшествовало торжественное несеніе множества какихъ-то гробиковъ, какъ оказалось; футляровъ съ орденами. Потомъ, въ актовомъ залѣ, предъ всѣми студентами, профессорами, инспекторомъ и ректоромъ предсталъ и самъ ревизоръ—красавецъ, ласковый, сіяющій и ликомъ и одѣяніемъ, съ ореоломъ славы великаго ученаго, главнаго участника въ составленіи новаго академическаго устава. Теперь и потомъ, на экзаменахъ, мое вниманіе особенно останавливалось на папагіи, состоявшей, кажется, изъ перламутра съ изображеніемъ Рафаэлевой Мадонны: мнѣ очень нравилось это изображеніе. Послѣ профессоровъ подходили подъ благословеніе всѣ студенты, причемъ назывались ихъ фамиліи и родныя семинаріи. Со многими Макарій вступалъ въ разговоръ, спрашивалъ о семинаріяхъ, ректорахъ, архіереяхъ,—особенное вниманіе обратилъ на своихъ земляковъ—курянъ. Я ожидалъ, что моя фамилія обратитъ вниманіе ревизора, но этого не случилось. Помнится, что во время этого представленія А. В.—чѣ имѣлъ видъ уже весьма болѣзненный, какой-то темный, сурово-серьезный. Говорили, что онъ не любилъ Макарія и не высоко цѣнилъ его исторію и догматику, и Макарій это зналъ. А о введеніи Макарія ходили у насъ слухи, что это—лекціи его предшественника по академической кафедрѣ—Димитрія Муретова и что Димитрій говорилъ о докторскомъ крестѣ Макарія: крестъ мой, а Макарія только цѣпъ. Мнѣ бросилось въ глаза, что Макарій мало обращалъ вниманія на Горскаго и не проявлялъ къ нему своей обычной свѣтской предупредительности.

Присутствіе ревизора нѣсколько измѣнило обычные экзамены въ академіи.

Экспромпты по основному и сравнительному богословіямъ давались за день. Можно было и подчитать и хорошо обдумать. Получался уже не экспромптъ, а сочиненіе, въ родѣ того, какое представилъ я по основному богословію. Помню, что сочиненія вышли не малыя, листа по три, обстоятельно исчерпывавшія данные вопросы и казавшіяся мнѣ нехудыми. Особенно удачно вышло сочиненіе по сравнительному богословію, очень понравившееся И—ву и примирившее его со мною. Но, какъ и первокурсныхъ, я никакъ не могу припомнить и этихъ экспромптовъ — ни данныхъ темъ, ни содержанія моихъ отвѣтовъ.

То же долженъ сказать и объ устныхъ экзаменахъ второго курса. На нихъ присутствовалъ Преосв. ревизоръ. Въ виду этого даны были записи самихъ лекторовъ, каждому студенту назначенъ отдѣлъ, что-то въ родѣ прежнихъ публичныхъ экзаменовъ. О себѣ я помню только то, что и мнѣ былъ назначенъ какой-то отдѣлъ по сравнительному богословію, но преосв. Макаріѣ оставилъ экзаменъ до моего отвѣта. По основному богословію учили лекціи Петропавловскаго, переписанныя съ его собственноручной тетрадки. Помню только, что отъ нихъ отдавало нѣметчиною, плохо переваренною и потому трудно усвоившеюся. По исторіи философіи учили Шwegлера. Но мнѣ она была болѣе или менѣе знакома по работѣ о Дж. Бруно. Все прочее теперь забыто мною навсегда.

Преосв. ревизоръ держалъ себя на экзаменахъ какъ-то ободрительно,—все хвалилъ, всёмъ восторгался,—даже скандовкою Виргилія, хотя она изучалась еще въ 3-мъ классѣ семинаріи. Получалось впечатлѣніе, что преосв. Макаріѣ какъ бы хвалилъ самого себя.

Потомъ среди студентовъ распространился слухъ, что ревизоръ похвалилъ всѣхъ наставниковъ, кромѣ проф. каноника А. Ѳ. Лаврова, своею книгою и перепискою съ архіереями остановившаго проектировавшуюся тогда оберъ-прокуроромъ Синода Толстымъ и преосв. Макаріемъ реформу церковнаго суда. Такъ это и дѣйствительно, въ ревизорскомъ отчетѣ, хранящемся въ академическомъ архивѣ. Слухъ, очевидно, исходилъ къ студентамъ отъ наставниковъ. Отзывъ Преосв.

Макарія—явно пристрастенъ, личень и невѣренъ: А. Θ. Лавровъ былъ глубокой знатокъ науки и его профессорской авторитетъ стоялъ весьма высоко и у профессоровъ и у студентовъ и у ученыхъ.

Мое увлеченіе философіей имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что на 3-й курсъ я перешелъ вторымъ, а первое мѣсто занялъ курянинъ, землякъ Иванцова, ходившій къ нему въ гости, Платоновъ. По этому поводу были нѣкоторыя инсинуаціи. Но рѣшительно заявляю, что Иванцовъ былъ тутъ не причемъ: я справедливо пожалъ то, что сѣялъ. Я могъ бы сослаться на то, что на тему о Хомяковскомъ обвиненіи протестантовъ въ фетишизмъ по отношенію къ Библии ничего нельзя написать болѣе того, что было написано мною. Но самая тема уже не изъ такихъ, чтобы раскрытіе ея могло претендовать, по тогдашнему, на высокой баллъ. Для сего требовалось проявить и ученость и логичность и трудоспособность. Ничего такого въ моемъ отвѣтѣ на было, да и не могло быть, по существу темы. Я сознательно и добровольно шелъ на то, послѣдствія чего отлично зналъ. Единственное что могъ бы сдѣлать Я—въ, это, по лицепріятію ко мнѣ и слѣдовательно не по правдѣ, нѣсколько увеличить баллъ. Но вѣдь это было бы недобросовѣстное пристрастіе къ незаслуженному первенству.

Теперь, въ старости, пускаюсь въ эти разсужденія о своемъ первенствѣ. А тогда, въ теченіе всего четырехлѣтія, я не придавалъ этому никакого значенія.

За отстраненіемъ А. В—ча отъ дѣлъ по болѣзни, я тотчасъ же послѣ экзаменовъ обратился за темою для кандидатскаго сочиненія къ архим. Михаилу. Онъ мнѣ сказалъ, что есть у него двѣ темы. Одна — о славянскомъ переводѣ Новаго Завѣта, но при этомъ замѣтилъ, что эта работа не требуетъ никакой умственности и что подобныя работы болѣе свойственны людямъ усидчивымъ и въ родѣ того какъ бы безталаннымъ, указавъ въ примѣръ на славившееся тогда трудолюбіемъ и уже окончившее курсъ лицо. „А вамъ я, продолжалъ онъ, предложу написать критической разборъ книги Бунзена: Жизнь Иисуса“. И тогда для меня былъ непонятнымъ и теперь остается таковымъ же отзывъ Михаила и о работѣ надъ славянскимъ переводомъ Новаго Завѣта и объ указанномъ имъ лицѣ, уже умершемъ. Напротивъ, я

былъ очень склоненъ къ такимъ спокойнымъ работамъ и любилъ заниматься языкознаніемъ и всѣмъ, съ нимъ связаннымъ. Но явное презрѣніе къ темъ со стороны Михаила удержало меня отъ нея. А Бузена я взялъ на предварительное ознакомленіе, не заявивъ о своемъ рѣшеніи взять тему о немъ. Скоро, недѣли чрезъ полторы, прочиталъ книгу и убѣдился въ ничтожности предмета темы и въ несоотвѣтствіи характера работы тогдашнему моему умонастроенію. Пошелъ за темою къ В. Д. Кудрявцеву. Но онъ сначала отказался, сославшись на то, что кандидатскія сочиненія должны, по уставу, писаться на богословскія темы и по предметамъ богословскимъ, а метафизика и логика предметы свѣтскіе. Но потомъ согласился и далъ тему: „спекулятивный теизмъ“. Каникулами въ деревнѣ перечиталъ Ульрици, Лотце и Фихте младшаго, даннаго мнѣ Кудрявцевымъ. По возвращеніи въ академію досталъ и прочиталъ главныя сочиненія Баадера. Моя полная спекулятивная неподготовленность, головоломная тарабарщина нѣмецкой спекуляціи, искусственно-туманный нѣмецкій философскій жаргонъ, усугубленный мудрованіями русскихъ переводчиковъ, широта или точнѣе отсутствіе темы... Въ моей головѣ получился величайшій сумбуръ: я не зналъ, что и какъ писать,—умъ уходилъ за разумъ,—я мучился въ безплодныхъ усиліяхъ что-то схватить, о чемъ-то думать, чему-то дать опредѣленность и освѣщеніе. Это что-то безформенное, неуловимое, мутное наконецъ разстроило мои нервы, лишило сна, аппетита, навело уныло-подавленное настроеніе. Дѣло было плохо: я уже чувствовалъ, что придется бросить тему, послѣ четырехмѣсячнаго упорнаго, но безплоднаго, вѣрнѣе—вреднаго, труда надъ ловлею вѣтра въ полѣ. Предстояло читать Гюнтера. Пошелъ за нимъ къ Кудрявцеву. Не оказалось. При этомъ К—въ сказалъ, что нѣтъ надобности читать всѣ подлинники. Можно по энциклопедіямъ и изъ вторыхъ рукъ,—по чужимъ обработкамъ, что скорѣе и легче приведетъ къ цѣли. Я нѣсколько удивился этому, чѣмъ, вѣроятно, подаль К—ву поводъ сказать мнѣ: „не лучше ли бросить эту тему?!“—Вѣроятно К—въ замѣтилъ мою подавленность, растерянность и неподготовленность и даже неспособность работать надъ такою темою. Замѣтка К—ва была какъ бы эхомъ моего собственнаго желанія: я съ радостію принялъ этотъ совѣтъ, немедленно

освободилъ себя отъ тяжеловѣсныхъ порожденій спекулятивнаго теизма. Фихте возвратилъ Кудрявцеву, — Ульрици, Лотце и Баадера—въ библіотеку, а о Гюнтерѣ не сталъ и справляться. Какъ бы проснувшись отъ продолжительнаго кашмара, я почувствовалъ на душѣ ясный весенній день. Брошена четырехмѣсячная упорная и тяжелая работа. Но худа не было безъ добра. Я постигъ три истины, убѣдился въ коихъ для меня и для всякаго чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше. Во 1-хъ, я опытно позналъ свою полнѣйшую негодность къ тому дѣлу, что считалъ своимъ призваніемъ,—совершенною неспособность къ спекулятивному мышленію, вопреки открытію ея Петропавловскимъ въ моемъ наброскѣ. Во 2-хъ, я почувствовалъ, и, думается, справедливо, полное отвращеніе къ нездоровой, можетъ быть паталогической, и во всякомъ случаѣ схоластическо-искусственной туманности нѣмецкой философской спекуляціи. Въ 3-хъ, я убѣдился въ томъ, что вся эта нѣмецчина есть *мудренность*, а не *мудрость*,—мудрованіе, схоластика и резонерство, а не разумъ, правда и премудрость,—и что если снять съ нея всю эту мудровательную нѣмецкую шелуху, она окажется не выше древне-греческой философіи,—а о христіанской уже не говорю,—только замудреніемъ мудраго и затемненіемъ яснаго. Сталъ тогда понятенъ мнѣ смыслъ изреченія: для мудреца довольно простоты.

И такъ, во второй половинѣ сентября я оказался безъ темы. Уже сталъ было подумывать о передѣлкѣ въ кандидатское своего семестряка по патристикѣ о Философуменахъ. Но тутъ у меня блеснула мысль о Филонѣ, съ коимъ я познакомился въ прошлый годъ при работѣ надъ философіей Дж. Бруно. Бѣгу къ Потапову. Тотъ, какъ и Кудрявцевъ, но рѣшительно отказывается читать кандидатское, хотя и одобряетъ мое намѣреніе и даетъ мнѣ Целлера, Дәне, Гейнце и еще что-то, а главное—фоліантъ Парижскаго изданія твореній Филона. Я былъ спасенъ и почувствовалъ себя на твердой почвѣ, не заботясь о читателѣ рецензентѣ. Я и другіе тогдашніе студенты были увѣрены въ томъ, что кандидатскія какъ и магистерскія и докторскія сочиненія можно каждому писать на свою собственную тему, а о рецензійи долженъ заботиться уже самъ совѣтъ отдѣленія. И если бы, сверхъ моего ожиданія, Совѣтъ не призналъ моеѣ

работы богословскою, я надѣялся получить степень за подачу въ расширенномъ видѣ моего семестряка о Философуменахъ. Впрочемъ архим. Михаилъ, нисколько не обидясь на мой отказъ отъ Бунзена, охотно ваялся прочитать мою работу, какъ имѣющую отношеніе къ евангелію Іоанна и при условіи сравненія Филоновой и Іоанновой логологіи. Послѣ этого я спокойно и съ радостью погружаюсь въ изученіе Филона по первоисточнику и пособіямъ.

Но тутъ случилось событіе, всколыхнувшее спокойную и однообразную жизнь академіи: смерть Папаши. Ее давно ждали и особеннаго внутренняго переполоха она не произвела. Но похороны, съ выносомъ тѣла, панихидами, чтеніемъ евангелія, рѣчами и словами, прибытіе новыхъ лицъ: все это на время измѣнило обычный ходъ академической жизни. Подробнѣе объ этомъ скажу, когда буду вспоминать домашнюю или номерную жизнь свою въ академіи. Теперь же продолжу учено-учебную сторону.

На второмъ курсѣ образъ Папаши былъ вытѣсненъ у меня философомъ Дж. Бруно. Пособія Потапова были такъ обильны и полны, что я не имѣлъ потребности обращаться къ Папашѣ. Да едва ли онъ и могъ, при своей болѣзни, заниматься студентами. Помню только его видѣ при представленіи ревизору. А теперь, на третьемъ курсѣ, мною всецѣло владѣли—съ начала теизмъ, а потомъ Филонъ. Для Папаши какъ бы не оставалось мѣста, и я не думалъ о немъ и не видалъ его. Поэтому смерть Папаши не произвела на меня особаго впечатлѣнія и я продолжалъ возиться съ Филономъ.

Но вотъ предъ 40-мъ днемъ по кончинѣ Папаши инспекторъ С. К. Смирновъ обращается ко мнѣ съ предложеніемъ приготовить проповѣдь. Это было для меня совсѣмъ неожиданно и отрывало отъ Филона. Притомъ многочисленные ораторы уже прекрасно извитіиствовали все возможное о покойникѣ. Особенно прекрасно было слово архим. Михаила на погребеніи, а еще прекраснѣе пр.-доц. Н. И. Лебедева (о любви, какъ основной чертѣ покойнаго)—кажется въ 20-й день. Что я могъ сказать?—Наконецъ, я имѣлъ и формальное основаніе отказаться отъ проповѣди, ибо первокомъ богословскаго отдѣленія былъ не я, а Платоновъ, да были и еще два первака на другихъ отдѣленіяхъ. Присоединилъ сюда еще и то, что я перемѣнилъ тему и времени не имѣю. —

и что 40-й день по кончинѣ Горскаго совпадаетъ со днемъ смерти митроп. Филарета, о коемъ я ничего не знаю. Но всѣ доводы были напрасны. Инспекторъ настойчиво, даже повелительно, требоваль отъ меня проповѣди. Дѣло улаживается такъ, что въ случаѣ неуспѣшности моего разсужденія къ сроку С. К. будетъ ходатайствовать объ отсрочкѣ, что мнѣ было очень въ руку,—а о Филаретѣ онъ далъ мнѣ какую-то брошюру. И какъ я теперь благодаренъ С. К.—чу, что онъ чуть не силкомъ привлекъ и меня къ святому дѣлу церковнаго почтенія Великаго Старца. Съ какою радостію вспоминаю теперь объ этой моей, хотя ничтожной, дани Папашѣ.

Сравненіе съ Илією и Елисеємъ запрашивалось само собою. Я не зналъ, сколько помнится, тогда, что Илією и Елисеємъ начиналъ свою бесѣду студ. 4 к. И. Соколовъ, въ 9-й день по кончинѣ Горскаго. Но тема и текстъ были совсѣмъ другіе. У меня съ Илією и Елисеємъ сравниваются Филаретъ и Горскій, а Соколовъ сравниваетъ Горскаго съ Илією, а себя и учениковъ Горскаго съ учениками Иліи вообще и съ Елисеємъ въ частности.

Взявъ текстъ 4 цар. 2, 15: *Почи духъ Ілїинъ на Елисеи*. Кратко указавъ въ приступѣ, что духъ Іліи, почившій на Елисеѣ, есть тотъ же духъ, что обвѣваль и учителя Филарета и его ученика—Горскаго, я потомъ подробнѣе раскрылъ проявленіе этого духа въ глубокомъ убѣжденіи въ истинѣ, въ пламенной ревности по вѣрѣ, въ благодатно-сильномъ словѣ учительскомъ (пророческомъ), въ подвижничествѣ и высокой нравственной чистотѣ. Въ заключеніи, отказываясь отъ сравнительной оцѣнки обоихъ великихъ учителей, привожу 1 Кор. 3, 5—8: Павелъ ли, Аполлосъ ли, оба ничто, но только служители Бога: Павелъ насаждаетъ, Аполлосъ поливаетъ,—а возвращаетъ Богъ. Въ концѣ молитва, чтобы Богъ даровалъ академіи достойнаго носителя духа А. В.—ча, разумѣя и ректуру и профессуру и науку и вообще всю личность Горскаго!

Слово въ строгомъ стилѣ самого Филарета, — обдуманное разсужденіе на тему, соответствующую церковному торжеству и библейскому тексту. Она мнѣ тогда очень не понравилась,—безъ ораторства, возбужденности,—спокойный и холодный докладъ на данную тему. Были лишь небольшія от-

стущенія въ сторону лирическаго изліянія моихъ личныхъ чувствъ по отношенію къ Папашѣ. Эти отступленія и обращенія къ Папашѣ мнѣ очень тогда нравились. Къ лучшимъ мѣстамъ проповѣди принадлежатъ выписки изъ словъ самого Папаша въ день 50-лѣтія академіи и при погребеніи Филарета.

Каеэдра гомилетики не была замѣщена, временно рецензоваль проповѣди А. Ѡ. Лавровъ. Наканунѣ произнесенія утромъ иду къ нему за тетрадкой. Онъ мнѣ ее не показалъ, а въ запечатанномъ конвертѣ велѣлъ передать В. Д. Кудрявцеву, исправлявшему должность ректора. Помню, что на большемъ, въ четвертку, конвертѣ было весьма крупно, толсто и черно написано: Его Превосходительству. В. Д.—чь не имѣлъ еще тогда такого чина. Мнѣ показалось, что онъ очень поморщился при видѣ этого величанія. Надо замѣтить, что къ А. Ѡ—чу, какъ узналъ я потомъ, относились съ какою-то подозрительностью въ его искренности и не всѣ долюбивали его. Возможно, что В. Д.—чь принялъ надпись съ подозрѣніемъ или въ лести или въ насмѣшкѣ, хотя самъ А. Ѡ—чь, могъ выразить здѣсь только формализмъ канониста, ибо В. Д. былъ за ректора. Изъ этого я дѣлаю выводъ, что В. Д. не особенно интересовался тогда титулами,—а впослѣдствіи я убѣдился въ этомъ: онъ не любилъ, чтобы молодые профессора величали его превосходительствомъ и косвенно запрещалъ это.

Распечатываетъ конвертъ, вынимаетъ тетрадь и... Боже мой!... толстымъ, должно быть гусинымъ, перомъ и черными жирными чернилами—черты горизонтальныя, перпендикулярныя, кресты, вставки... по всей тетради. Я ужасно смутился, вѣрнѣе—чуть не сбѣсился. И отдай мнѣ на руки мою тетрадку А. Ѡ—чь, я навѣрное отказался бы отъ произнесенія проповѣди. Но В. Д.—чь, рассматривая помарки и вставки, сильно морщился, издавалъ какіе то неодобрительные звуки, потомъ сказалъ: „что это такое? Зачѣмъ?“ Особенно возмущился В. Д.—чь тѣмъ, что А. Ѡ—чь поставилъ крестъ на моемъ заключеніи, гдѣ рѣчь о Павлѣ, Аполлосѣ, Богѣ и достойнѣйшемъ преемникѣ А. В. Горскаго. Вѣроятно А. Ѡ—чь усмотрѣлъ тутъ съ одной стороны какъ бы умаленіе Филарета и Горскаго, а съ другой—безтактность по отношенію къ преемникамъ Горскаго—ректора и профессора

какъ ни въ коемъ случаѣ не могшимъ быть его достойными, а тѣмъ болѣе *достойнѣйшими*. Къ сожалѣнію это слово осталось въ печатной проповѣди, хотя я отнюдь не разумѣлъ и разумѣть не могъ сравнительной степени по отношенію къ А. В—чу, а разумѣлъ его преемниковъ и достойнѣйшаго изъ кандидатовъ на его преемство. Теперь очень тужу, что я тогда не исправилъ двусмыслія,—да, кажется, и не замѣтилъ тогда, ибо надъ окончаніемъ проповѣди стоялъ общій крестъ, и слово это ни подчеркнуто, ни зачеркнуто отдѣльно не было. Можетъ быть это даже опечатка, каковыхъ не мало, напр.: Илии вм. Илинъ,—послѣ „божественному“—слова Николовула—пропущено: „Духу“, вмѣсто „постепенно“ напечатано „торжественно“, вм. „приму“ напеч. „коему“,—„вызвала“ вм. вызывала,—„сужденіяхъ“ вм. сужденія,—„попеченій“ вм. заботъ,—„совершенства“ вм. совершенствъ. Да и вообще мнѣ ужасно не везло всегда съ опечатками. Лярика и всѣ изліянія чувства тоже, понятно, были жирно замараны.

Я было хотѣлъ уже отказываться отъ произнесенія проповѣди. Но В. Д—чъ съ усмѣшкою сказалъ мнѣ: „Вотъ что: не обращайтесь вниманія на поправки, произносите все“.

Я такъ и сдѣлалъ. Приписки, кромѣ словъ „приспомятннй отецъ нашъ“ вмѣсто моихъ: „дражайшій папаша, возлюбленнѣйшій отецъ“ и под.,—не говорилъ, зачеркнутое произнесъ, кромѣ лирическихъ отступленій,—ихъ, кажется, и В. Д. не совѣтывалъ произносить.

Вечеромъ издатель Православнаго Обзорѣнія попросилъ у меня проповѣдь для напечатанія. Я не хотѣлъ давать ему испачканную тетрадку и переписалъ, опустивъ все Лавровское и возстановивъ свое, кромѣ лирики. Она и мнѣ показалась тогда наивною и мало умѣстною. Жалѣю, что оригиналъ погибъ съ другими тетрадями въ пожарѣ.

Надо замѣтить, что и самъ А. Ѳ. Лавровъ говорилъ слово въ полугодіе по кончинѣ А. В—ча,—что-то о столпѣ, спротяженно сложенное и столпообразное, что своею фигурою напоминалъ и самъ А. Ѳ—чъ. Стоявшій рядомъ со мною студентъ 4-го курса, писавшій кандидатское сочиненіе А. Ѳ—чу. Мемновъ, при появленіи Лаврова и первыхъ словахъ его весьма слышно произнесъ: „столпъ злобы“, потомъ приѣлъ (былъ высокаго роста) и еще что-то сказалъ. Это меня очень

разсѣяло, проповѣди я не слушалаъ внимательно, но во всякомъ случаѣ она ничѣмъ не выдѣлялась, кромѣ длинноты, сухости и общности содержания. Она напечатана, кажется, въ Православномъ Обзорѣнн.

Сорокъ дней по смерти А. В—ча были проведены мною не вполне сосредоточенно. Очередныя по номерамъ заупокойныя службы о папашѣ, прїезды архіереевъ, торжественныя богослуженія въ 9-й, 20-й, и 40-й дни, проповѣдь: все это отвлекало отъ работы. Но послѣ 40-го дня я уже всецѣло отдался Филону.

И тутъ не обошлось безъ содѣйствія А. В—ча. При разборѣ его библіотеки оказалась цѣлая полочка съ книгами, относящимися къ Филону: Пфейфферово изданіе сочиненій Филона, Тишендорфскія дополненія, работы Гроссмана, Гфрѣрера, Кеферштейна и др. Цѣлая библіотечка подобранныхъ книгъ на мою тему. Видно, что А. В—чь самъ очень интересовался вопросомъ. Это послужило для меня добрымъ предзнаменованіемъ,—я увидѣлъ въ этомъ какъ бы посмертное благословеніе моей работы Папашею, навѣрно одобрявшимъ бы ее и при жизни.

Мало этого. Онъ оказалъ мнѣ существенную помощь. Дѣло въ томъ, что библіотека находилась въ ужасно худомъ положеніи. Корридоробразное зданіе на столбахъ, съ проходными и проѣздными между ними пролетами,—безъ печей (теперешняя столовая). Библіотекаря, его помощнику и студентамъ надо было имѣть зимнее уличное одѣяніе. Общеде-ступнаго каталога не было для пользованія студентовъ. Помощникъ библіотекаря не зналъ библіотеки и нервничалъ при бесплодныхъ поискахъ книгъ въ лабиринтѣ шкаповъ и полокъ, бывшихъ не въ особенномъ порядкѣ. А библіотекарь К. И. Богоявленскій, хотя и досточно былъ знакомъ съ расположеніемъ и содержаніемъ библіотеки, но, страдая національно-русскимъ недугомъ, являлся въ нее рѣдко. Притомъ онъ былъ семинаристъ, не знавшій или плохо знавшій иностранныя языки. Добывать книги вообще было трудно и непріятно.

Прибѣгали даже къ смазкѣ. Нѣсколько студентовъ, большею частью цѣлымъ номеромъ, дѣлали складчину на коньякъ икру, колбасу и сыръ и угощали библіотекаря. Онъ становился милостивѣе и иногда уже самъ приносилъ книги.

справляясь по своему каталогу. Особенно русскія книги и рукописи, послѣднихъ онъ былъ хорошимъ знатокомъ.

Понятно, какимъ благодареніемъ была для меня полка А. В—ча съ Филономъ, съ какою искреннею и радостною благодарностью я поминалъ тогда и поминаю теперь его имя.

Объ оставшихся послѣ А. В—ча въ большомъ количествѣ книгахъ, отказанныхъ имъ въ библіотеку академическую, надо сказать слѣдующее. Всѣ болѣе важныя заграничныя новинки по академическимъ дисциплинамъ московскій магазинъ Дейбнера, по собственному почину и по указаніямъ профессоровъ, высылалъ на просмотръ въ академію, и прежде всего ректору. Наиболѣе капитальныя и нужныя ему вещи онъ оставлялъ у себя за свой и казенный счетъ, а другія отсылалъ въ профессорскую комнату, гдѣ каждый профессоръ оставлялъ на свою кафедру то, что ему требовалось, сообщая объ этомъ въ Совѣтъ для уплаты. Такимъ путемъ у А. В—ча скопилась огромная библіотека наиболѣе цѣнныхъ и капитальныхъ изданій. Кромѣ того, какъ бывший библіотекарь, онъ отлично зналъ библіотеку. Наконецъ, какъ профессоръ церковной исторіи, а потомъ догматики, и какъ ученый описатель Московской Патріаршей (Синодальной) библіотеки, онъ держалъ у себя на квартирѣ едва ли не всѣ первоисточники и капитальные труды по всѣмъ главнѣйшимъ академическимъ дисциплинамъ,—особенно въ виду беспорядочности библіотеки, ея сырости весной, лѣтомъ и осенью, и холода зимой. Отсюда понятно, почему безъ содѣйствія Папаши не могли обходиться не только серьезно работавшіе студенты, но и едва ли хотя одинъ профессоръ и преподаватель. У него могли оказываться нужныя книги и по психологіи и по философіи и по эстетикѣ, а о церковно-богословскихъ дисциплинахъ нечего и говорить.

Весь остальной годъ прошелъ въ усиленныхъ и сосредоточенныхъ работахъ надъ Филономъ, за чтеніемъ его сочиненій, изученіемъ литературы о немъ, пособій по греческой философіи и іудейскому богословію, въ изслѣдованіи ветхозавѣтной идеи Логоса и ученія Іоанна Богослова о Логосѣ. Лекціи я посѣщалъ мало, вѣрнѣе почти не посѣщалъ, кромѣ греческаго языка—читалъ инспекторъ С. К. Смирновъ,—и Св. Писанія Новаго Завѣта—читалъ Михаилъ, коему я писалъ кандидатское и который вскорѣ сталъ преемникомъ Горскаго

по ректурѣ. Впрочемъ и независимо отъ инспекторства С. К.—ча, греческій языкъ я любилъ, и съ большимъ любопытствомъ слушалъ лекціи по языку новозавѣтному, святоотеческому, церковно-богослужебному,—и съ особеннымъ удовольствіемъ занимался языкомъ новогреческимъ. Тогда же я рѣшилъ избрать греческій языкъ своею спеціальностью на 4-мъ курсѣ. Для экзамена я готовилъ группу билетовъ и переводъ по новогреческому языку.

А Михайлъ читалъ интересныя лекціи по общеобязательному предмету Св. Писанія Новаго Завѣта.

Внушительнаго вида и высокаго роста, въ монашеской широкой рясѣ и высокомъ клобукѣ, съ представительной наружностью, большими сѣрыми глазами и окладистою бородою свѣтлаго цвѣта, похожаго на просѣдь,—произношеніе торжественное, отчетливое и рѣдкое, какимъ-то глухимъ пріятнаго старческаго тембра голосомъ, съ дрожаніемъ, какъ бы въ видѣ изъзамогильнаго вѣщанія,—движенія неторопливыя, медленно-размѣренныя,—наконецъ самыя лекціи съ простымъ и интереснымъ содержаніемъ (онѣ изданы Н. И. Троицкимъ, магистромъ академіи, писавшимъ диссертацию Михайлу). Все въ немъ было величественно, какъ бы монументально, внушительно, торжественно, успокоительно и пріятно.

Обычно являлся онъ на 35—30 минутъ. Его четыре лекціи были распределены по двѣ подъ рядъ: два послѣдніе часа (12 и 1) въ среду и два первые (9 и 10) въ четвергъ. По прочтеніи молитвы Михайлъ медленно и торжественно взбирался на громоздкую каеэдру,—эта медлительность, кажется, была слѣдствіемъ ревматизма въ ногахъ, коимъ онъ болѣлъ незадолго предъ этимъ годомъ. Медленно снималъ клобукъ, укладывавалъ концы его въ камилавку и ставилъ у пюпитра. Потомъ вынимался бѣлый носовой платокъ и протиралось пенсне, иногда происходило громогласное сморканіе. Пенсне, кажется, было новинкою для лектора, онъ не умѣлъ еще обращаться съ нимъ,—оно часто соскакивало съ носа и падало въ каеэдру. Совершалось медленное подытаніе пенсне и новое насаживаніе на носъ. Послѣ всей этой, довольно продолжительной процедуры, начиналось чтеніе лекціи по тетрадкѣ,—внушительное, рѣдкое, отчетливое. Каждая лекція неизмѣнно начиналась такою формулою: „Въ про-

шлый разъ или на предшествующей лекціи или лекціяхъ мы начали говорить о возможности искушеній Безгрѣшнаго Господа, перешли къ возраженію Гофмана, изложили отвѣтъ Ульмана, замѣтили то и то, разъяснили это, неказали еще нѣчто, остановились на слѣдующемъ и теперь продожаемъ. При медлительномъ произношеніи уходило на это предисловіе не мало минутъ. Остальныя минутъ 20—25 диктовалась лекція, медленнымъ темпомъ, съ нѣкоторымъ ораторскимъ подъемомъ и торжественностью, въ родѣ церковнаго слова или публичной актовой рѣчи. Такъ на нѣсколько недѣль растягивались чтенія объ искушеніи Христа,—изложеніе полемики Гофмана и Ульмана о возможности и дѣйствительности искушеній для Безгрѣшнаго Сына Божія. Одна недѣля излагаетъ, что искушенія были невозможны и недѣйствительны, на слѣдующей недѣлѣ оиѣ возможны и дѣйствительны, на дальнѣйшей одинъ опять доказуетъ, что невозможны и недѣйствительны, а потомъ другой утверждаетъ обратное. Такъ нѣсколько недѣль умѣло интриговала лекторъ наше вниманіе, съ своими медленными восхожденіями на кафедру, занятіями съ клубукомъ и пенсне и длинными повтореніями всего прежде сказаннаго (чѣмъ болѣе впередъ подвигались чтенія, тѣмъ длиннѣе становились эти повторенія). Курсъ лекцій открывался исторіей толкованія Библии, преимущественно Новаго Завѣта, если не ошибаюсь, по нѣмецкой обработкѣ исторіи Новаго Завѣта или новозавѣтныхъ писаній Эдуарда Рейсса, по главѣ: „Исторія экзегеса Новаго Завѣта“ (лекціи эти изданы Н. И. Троицкимъ). Но съ своей обработкою стилистической и такими, напрямѣръ, фразами: „но изъ-за широкихъ плечъ Лютера уже выглядывала насмѣшливая фізіономія Штраусса“. Эта наглядная фраза мнѣ очень понравилась и потому я ее запомнилъ. Слушалось легко и съ интересомъ. Уже не столь интересны были чтенія о евангеліяхъ и евангельской исторіи (по докторской диссертации) съ чтеніемъ и разборомъ книги Ревана „Жизнь Исуса“. Критики собственно не было, а слышались только замѣчанія: „когда я это прочиталъ, я отшвырнулъ стъ себя книгу,—это не наука, издѣвательство и т. д. въ томъ же родѣ“. Менѣе интересны были краткія толкованія евангельскихъ событій—рожденіе Господа, поклоненіе волхвовъ и др. и бесѣды Господа: съ Никодимомъ,

самарянкою и о клѣбѣ живомъ (напечатано въ Душеп. Чтеніи). Совсѣмъ уже не интересны, да и неособенно ясны и содержательны были лекціи объ Ап. Павлѣ, его обращеніи, опроверженіе визионерной гипотезы, особенно краткій истолковательный анализъ посланія къ Галатамъ.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній Михаила онъ спросилъ меня: „отчего это студенты слушали меня внимательно, когда читалъ я исторію толкованія Библии и объ искушеніяхъ Христа, а когда сталъ читать объ Ап. Павлѣ и толкованіе посланія Галатамъ, они зѣваютъ и плохо слушаютъ?“ Я не зналъ, что отвѣтить на это.

Въ отчетѣ Михаила за 1875—1876 годъ показано еще: ученіе о богодухновенности библии, подробный обзоръ и толкованіе посланій къ Римлянамъ, перваго къ Коринѳянамъ и къ Евреямъ. Но я этого совсѣмъ не припоминаю, какъ и изъ событій евангельскихъ и рѣчей Господа припоминаю только вышеуказанныя, хотя я и неопустительно посѣщалъ лекціи. Запамятованіе конечно вполнѣ возможно.

На каждой лекціи слышалась фраза: „и такъ далѣе и такъ далѣе, и тому подобное, все въ томъ же родѣ“. Невольно казалось, что лекторъ нарочно растягиваетъ лекцію многословіемъ, чтобы меньше прочитать.

Очевидно за такія фразы, манеру растягиванія лекціи многословіемъ, длинныя предъуготовленія на каедрѣ и продолжительныя повторенія прежнихъ лекцій студенты старшихъ нашего курсовъ прозвали Михаила „водолейемъ“.

Прозвище это однакожъ нисколько не свидѣтельствовало о томъ, что Михаилъ былъ плохой профессоръ. Напротивъ, для богослововъ онъ представлялъ выдающагося профессора. Благодаря Михайловской манерѣ чтенія, лекціи по Св. Писанію Новаго Завѣта слушались съ большимъ интересомъ и запоминались легко. Вѣроятно, это былъ преднамѣренный педагогическій приемъ, такъ какъ въ печатныхъ трудахъ Михаила нѣтъ никакихъ повтореній и ни малѣйшаго водолейства: стиль въ нихъ изящно-простой и отчетливый.

Несправедливо и глумленіе надъ малоученостью Михаила, подѣ влияніемъ критики П. И. Горскаго, выразившееся въ упоминаемой архіеп. Николаемъ выходкѣ студенческой въ бесѣдкѣ. Конечно онъ не былъ такимъ языковѣдомъ, какъ П. И. Горскій, а съ А. В.—емъ нечего и сравнивать обоихъ,

но умственный и научный горизонтъ его были несравненно шире, чѣмъ у П. И—ча. Михаилъ былъ не только много талантливѣе П. И—ча, но, что главнѣе, гораздо трудоспособнѣе и плодотворнѣе. Своими статьями, диссертацией докторскою, изданными лекціями и толковыми евангелиемъ и апостоломъ Михаилъ составилъ себѣ популярное имя въ русской богословской наукѣ. А П. И. Горскій умеръ безъ имени, почти никому неизвѣстнымъ, даже безъ докторской степени. У П. И—ча въ то время не было ни одного ученика-магистра, да и потомъ ихъ было, кажется, только двоица (и одинъ неудачникъ — Никольскій, диссертацию о надписаніяхъ псалмовъ списавшій съ Вишнякова). А у Михаила была уже цѣлая школа магистровъ. Тѣ ошибки и недосмотры, что указаны въ рецензіи П. И—ча, суть мелкіе и частные недостатки, небывающіе только у бездѣльниковъ. Притомъ они преувеличены, сгущены и требуютъ провѣрки. По крайней мѣрѣ замѣтка о крилѣ храма, по моей провѣркѣ, не столь безапелляціонна, какъ выдаетъ ее П. И—чь. Вообще говоря, недостатки Михаила были слишкомъ преувеличены и раздуты П. И—чемъ, чему отчасти содѣйствовала и партійность профессоровъ изъ-за П. С. Казанскаго. П. И—чь и Михаилъ оказались въ противоположныхъ лагеряхъ и сопартійники П. И—ча были всѣ и недоброжелателями Михаила. А партія П. И—ча была (исключая А. В. Горскаго) болѣе демократична и болѣе популярна у студентовъ, чѣмъ партія Михайловская, болѣе далекая отъ студенчества. Между другими пріятелями П. И—ча, припоминаю, Н. А. Елеонскій рассказывалъ, что „начнешь, бывало, съ интересомъ слушать лекцію Михаила, а потомъ унесешься въ далекія мечты, даже о совсѣмъ не религіозно-богословскихъ предметахъ“. Но это—вина и характеристика не лектора, а слушателя. Напротивъ, аудиторія Михаила всегда была переполнена студентами и слушали его съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ наибѣйшую противоположность самому Елеонскому. Наконецъ, вышеупомянутую грубо-нелѣпую выходку студенческую можно объяснять доносившимся еще до студентовъ старшаго курса отголоскомъ незадолго предъ тѣмъ бывшихъ студенческихъ волненіями въ инспекторство Михаила и изъ-за его сочиненія. Но нашъ курсъ уже не интересовался

объ этихъ волненіяхъ и объ инспекторствѣ Михаила. Прозвище Михаила „раввинъ равва“ у насъ не привилось. А названіе „водолей“ употреблялось какъ бы отвлеченно и теоретично, безъ конкретнаго примѣненія именно къ Михаилу. Напротивъ, нашъ курсъ любилъ Михаила и уважалъ, называлъ его ласкательными: „Мишель, Миша, Мишукъ“.

Помню, какъ послѣ конференціи Михайлъ выбѣжалъ въ садъ разгоряченный, съ клобукомъ въ рукахъ. Встрѣтивъ въ саду меня и еще кого-то, онъ, запыхаясь, сказалъ: „скажите такимъ-то, что я ихъ отстоялъ“. Это были кандидаты Михаила, и о нихъ очевидно были споры и возраженія со стороны недруговъ Михаила.

Случай этотъ являетъ дѣятельную благожелательность Михаила по отношенію къ его ученикамъ, и вообще къ студентамъ.

Нужно отмѣтить еще необычайно деликатное отношеніе Михаила къ самостоятельности въ работахъ его учениковъ. Онъ ни въ чемъ не стѣснялъ: ни въ языкѣ, ни въ планѣ, ни во взглядахъ. А это важно для работъ кандидатскихъ, ограниченныхъ малымъ срокомъ. Пиши я Потапову, навѣрно треть дорогого времени пошла бы на заботы о доведеніи сочиненія до катехизической краткости. Пиши я Кудрявцеву, пришлось бы долго возиться надъ планомъ, внѣшнею соразмѣрностью частей, главъ и параграфовъ,—ихъ схоластически-логическимъ построеніемъ и пр. Михайлъ ничего не требовалъ, со всѣмъ соглашался, все предоставлялъ самому писателю. Благодаря этому, у меня не пропало ни одного дня для изученія предмета на бесплодную формалистику.

Наконецъ, у Михаила былъ чрезвычайно ясный и опредѣленный взглядъ на русскую тогдашнюю библиологію. Возможно полное изученіе иностранныхъ пособій и переработка ихъ въ православномъ духѣ на русскомъ языкѣ: такова Михайловская задача ученыхъ работъ его самого и его учениковъ. „Пересаживайте, пересаживайте западную науку—католическую и протестантскую—на почву русскаго православія“, говорилъ онъ намъ официально при открытіи практическихъ занятій нашихъ на 4-мъ курсѣ,—и часто и многимъ избавлялъ у себя на дому, въ частныхъ бесѣдахъ. Этотъ принципъ избавлялъ его учениковъ отъ непосильныхъ и широкихъ задачъ молодости, почти всегда бесплодной траты времени въ поискахъ чего-то необычнаго и но-

ваго,—это вело его писателей прямо къ дѣли и дало русской богословской литературѣ не мало дѣльных работъ. Съ особенною благодарностью историкъ академіи долженъ отмѣтить совсѣмъ необычное тогда привлеченіе студентовъ къ коллективной работѣ научной—къ переводу Введенія въ Новый Завѣтъ Герике, изданному подъ редакціей Михаила. Это вѣяло уже новымъ и живымъ духомъ.

Бываль я у Михаила по дѣлу своего кандидатскаго рѣдко,—раза два, не болѣе: не зачѣмъ было, ибо всѣ источники и первоисточникъ находились у меня въ рукахъ. Помню, однажды я старался выяснитъ Михаилу невозможную задачу Филоновой философіи соединить двѣ несоединимыя точки зрѣнія—греко-пантеистическую и іудейско-деистическую, и мнѣ не удавалось выразить это коротко и ясно, — онъ, послушавъ меня и указавъ на два пустыя кресла, сказалъ: значить онъ хотѣлъ сѣсть между двухъ кресель, чѣмъ наглядно и кратко выразилъ то, что хотѣлъ высказать я многословно и въ длинныхъ подробностяхъ.

Какъ профессоръ и потомъ какъ ректоръ онъ былъ необыкновенно внимателенъ, привѣтливъ и снисходителенъ. Мой номеръ находился на 3-мъ и 4-мъ курсахъ подъ его квартирою-ректорскою. Въ началѣ мѣсяца намъ выдавалось по 3 р. на чай, сахаръ и булку. Часть шла обычно на веселье. Послѣ ужина пѣли, иные надрывая животы старались кричать благимъ матомъ. Однажды Михаилъ, раздраженный ораніемъ и топотомъ студентовъ, замѣтилъ „И что это у васъ за козлогласіе и горлодраніе. Особенно одинъ кто-то: винтомъ-винтомъ такъ и завинчивается, всю душеньку вымотаетъ. Ну можно попѣть послѣ ужина, но ужъ не такъ свирѣпо. Можно и повеселиться сообща, хорошенько встряхнуться, освѣжиться. Но не болѣе раза въ мѣсяцъ. А то ужъ будетъ не выпивка, а пьянство“.

Еще одинъ разъ вечеромъ, сидя за нѣсколькими свѣчами съ зеленымъ абажуромъ и въ очкахъ, онъ сталъ плакаться на свое слабѣющее зрѣніе, препятствовавшее усиленно работать надъ приготовленіемъ толковаго апостола. „Глазки мои, глазки, говорилъ, свѣты мои очи! Закрываются, сокрываются! Что я безъ нихъ буду дѣлать! Берегите глаза въ молодости. Не тратьте ихъ зря, какъ дѣлалъ я! Слѣдите за ними во время!“ Не знаю, сохранилъ ли Михаилъ хорошее зрѣніе до

смерти или вѣтъ, такъ какъ послѣ Академіи я никогда его не видалъ.

Михаилъ былъ превосходнымъ ораторомъ церковнымъ. Его слово на погребеніе А. В. Горскаго вѣтъ поэзіей и вдохновеніемъ святоотеческой старины: и содержаніемъ слова и произношеніемъ и своимъ видомъ Михаилъ вызывалъ образъ Святаго Отца. Многіе въ храмѣ, въ томъ числѣ и я и самъ ораторъ, не могли сдержатъ слезъ. Впечатлѣніе было огромное. Никогда, ни ранѣе ни послѣ, свидѣтелемъ ничего подобнаго мнѣ быть не пришлось. Только на проповѣди Михаила я опытно постигъ силу человѣческаго убѣжденнаго ораторскаго слова. А я слыхалъ и Амвросія, и Никанора, и Плевако, и Урусова. Превосходное и увлекательное, образцово-ораторское слово произнесено было еще въ праздникъ академическаго пятидесятилѣтія.

Вообще Михаилъ былъ весьма талантливый церковный ораторъ и выдающійся профессоръ, особенно на нашемъ богословскомъ отдѣленіи.

Былъ среди насъ распространенъ слухъ, что при окончаніи академическаго курса онъ ходилъ въ Ваганію съ товарищами и тамъ упился до положенія на мѣстѣ питія. Въ такомъ положеніи его увидалъ П. С. Казанскій и велѣлъ доставить въ Академію. По другому сказанію Михаилъ совершилъ въ нетрезвомъ видѣ кощунственный вѣздъ въ Лавру, кажется, на коровѣ. Въ обоихъ сказаніяхъ выступаетъ П. С. Казанскій какъ виновникъ монашества Михайлова—въ покаяніе за содѣянное. Предложилъ будто бы въ Совѣтѣ для Михаила или монашество или лишеніе степени академической. Михаилъ избралъ первое, но съ затаенною злобою къ К—му. Этимъ объясняли и выступленіе Михаила противъ профессуры и докторства К—го, хотя это было вопреки желанію глубоко имъ уважавшагося А. В—ча.

Къ экзамену онъ представлялъ огромную по виду программу въ 100 или болѣе билетовъ. Но страшна была только видимость. Билеты коротенькіе, простые, въ одну-двѣ мысли, на полулистъ разгонистаго письма. Напримѣръ помню такой билетъ: „Искушеніе Христа. Постановка вопроса о возможности—невозможности искушенія для безгрѣшнаго Спасителя“. Уже самое заглавіе билета обычно исчерпывало все содержаніе отвѣта. Требовалось только сказать нѣсколько

словъ, остальное дополнялъ самъ Михайль. А для внимательныхъ слушателей Михаила отвѣты были еще легче.

Передавались рассказы о нѣкоторыхъ курьезахъ. Когда еще до реформы Михайль читалъ и Ветхій и Новый Завѣты. А. В.—чь Горскій бывалъ председателемъ на его экзаменахъ, являлся съ огромными фоліантами полиглотты Вальтона и предлагалъ справки по разнымъ текстамъ. Текстовъ обычно никто читать не могъ, ни Михайль, ни ассистентъ, ни тѣмъ паче студенты. Полиглотта втуне и сиротливо возлежала на столѣ во все время экзамена, стѣсня экзаменаторовъ.

Довольно извѣстный Лютостанскій, перешедшій изъ католическаго ксендза въ православные іеромонахи, потомъ снявшій монашество и священство, студентъ 28-го курса (1868—1872), получилъ билетъ о книгѣ пѣснь пѣсней. Когда очередь дошла до него, онъ не зналъ, что отвѣчать. Долго мялся. Михайль, по обычаю, выступаетъ на выручку. „Ну что же, отче Ипполите, вы повѣдаете намъ о книгѣ Пѣснь Пѣсней?“—М-мъ, да это... это... тутъ аллегорія! отвѣчаетъ Лютостанскій.—„А скажите намъ, что же это за аллигорія?“—Аллегорія... гм... женихъ любить невѣсту и ухаживаетъ за ней,—отвѣчаетъ Л.—„Ну, говоритъ Михайль, это еще не велика аллегорія!“—Да это малая аллегорія, смущенно заявляетъ экзаменатъ. Послѣ этого прозвали Лютостанскаго малой аллегоріей. Впрочемъ за вѣрность не ручаюсь и за точность передачи: можетъ быть что и перепуталъ.

Когда Михайль съ ассистентами пришелъ къ намъ на экзаменъ и всѣ заняли свои мѣста, онъ вынулъ большую пачку билетовъ (сто или даже болѣе) и сталъ ихъ тасовать какъ карты, сказавъ при этомъ: „вотъ такъ студенты тасуютъ карты“. Онъ былъ тогда ректоромъ,—а мои товарищи и старшіе студенты любили преферансъ, ералашъ и даже стуклку.

Билетъ о звѣздѣ волхвовъ составленъ былъ довольно спутанно: не то естественное было явленіе, не то сверхъестественное, трудно понять. Звѣзда какъ будто понималось какъ явленіе естественное, а нахождение Божественнаго Младенца волхвами было дѣломъ сверхъестественнаго откровенія. Ассистентствовавшій на практическомъ отдѣленіи Н. Д. Мансветовъ, литургистъ-археологъ, возражаетъ: „а я на древнихъ иконахъ видѣлъ звѣзду изображенною вверху надъ Младенцемъ и

пещерою, и лучи ея падаютъ прямо на Младенца?“—Михаилъ отклоняетъ возраженіе замѣчаніемъ: „Ну, это еще не диво, а вотъ я видѣлъ икону, гдѣ звѣзда-то стоитъ ниже головъ волхвовъ“. Такимъ образомъ одно неумѣстное возраженіе отражено другимъ столь же неумѣстнымъ. Вообще Михаилъ отличался остроуміемъ въ старинномъ академическомъ стилѣ.

Изъ другихъ лекторовъ 3-го курса о П. П. Горскомъ, преподававшемъ библейскую археологію,—и Н. А. Елеонскомъ, продолжавшемъ свой курсъ (кажется, о книгахъ учительскихъ и пророческихъ)—я уже сказалъ прежде.

Но былъ у насъ еще одинъ профессоръ П. И. Казанскій, читавшій двѣ дисциплины: одну общеобязательную—педагогика — и другую специально-богословскую — нравственное богословіе. О содержаніи лекцій по той и другой дисциплинѣ, какъ и всѣхъ почти другихъ дисциплинъ, я ровно ничего не помню. Припоминается только вѣдшій видъ лектора—солидный, основательный, съ необычайно, какъ казалось, большою и безвласою головою. Лекціи читались медленно, отчетливо и основательно, но онѣ были очень тяжелы, плохо усваивались и пахли тоже нѣмецкимъ жаргономъ. Какое происхожденіе имѣли экзаменскіе билеты,—были ли это лекціи или твореніе студенческое—не знаю. Припоминается конецъ одного билета по педагогикѣ, кажется объ американской системѣ обученія и воспитанія, именно такой: „а затѣмъ перенесемъ на берега рѣки Оринокко“. Принадлежала ли эта фраза дѣйствительному билету, или же ее приписалъ какой-нибудь студентъ шутки ради,—рѣшить этого я не могъ. И это очень характерно для билетовъ по педагогикѣ.

По нравственному богословію учили что-то общее, мудрено-философичнымъ нѣмецкимъ жаргономъ написанное, безъ всякихъ библейскихъ и святоотеческихъ цитатъ, должно быть по общей этикѣ. Въ отчетѣ по педагогикѣ значится: „преподана система общей педагогики“. А по нравственному богословію: „послѣ критическаго обзорѣнія нравственныхъ системъ, прочиталъ введеніе въ православное нравственное богословіе, раскрылъ ученіе объ истинахъ, служащихъ исходными пунктами христіанскаго нравственнаго богословія и изложилъ ученіе о высочайшемъ благѣ и добродѣтели“. Яснѣе помнится мнѣ одинъ экзаменскій билетъ: о нравствен-

номъ законѣ. Должно быть я отвѣчалъ его на экзаменѣ. Содержаніе мало понятное, замудренное, спротяженно-сложенное, — непереваренная нѣметчина. Происхожденія этого и всѣхъ вообще билетовъ по нравственному богословію не знаю. Нѣкоторые у насъ держались мнѣнія, что П. И—чу надо отвѣчать какъ можно быстрѣе, чтобы онъ не успѣлъ замѣтить несомой студентомъ галиматъи отъ своего чрева. Многимъ, кажется, удавалось это. Но я дѣлать этого не умѣлъ, а вмѣсто того пользовался краткимъ конспектомъ, который я составлялъ для себя и подчитывалъ предъ экзаменомъ.

Догматика, за болѣзнь и смертью А. В. Горскаго, не читалась ни на 3-мъ ни на 4-мъ курсѣ, никакихъ экзаменовъ и практическихъ занятій по этой дисциплинѣ не было и отмѣтки по ней въ нашихъ аттестатахъ нѣтъ.

Экзамены по сравнительному, основному и нравственному богословіямъ были для меня самыми трудными. И это для меня, признаннаго семинарскими преподавателями, папашею, и въ собственномъ мнѣніи болѣе всего годнымъ для богословскаго отдѣленія! *Nominum est errare!* Опять выражаю горькое сожалѣніе, что я не перешелъ на историческое или практическое отдѣленіе. Экспромпты въ этомъ году (1876) были уничтожены навсегда.

Къ сроку кандидатской диссертациі не приготовилъ. Дали отсрочку до августа. Всѣ каникулы упорно работалъ. Написалъ огромное сочиненіе изъ трехъ обширныхъ частей. Первая часть изъ главъ: „ученіе о Логосѣ въ греческой философіи, Мемра іудейской теософіи, александрійцы—предшественники Филона и особое приложеніе—идея Логоса въ Ветхомъ Завѣтѣ. Вторая часть: ученіе Филона о Логосѣ, какъ имманентно-безличномъ откровеніи Сушаго или Божества (пантеистическое),—ученіе его о Логосѣ, какъ трансцендентно—личномъ откровеніи Божества (деистическое),—Логосъ какъ средняя между Богомъ и человѣкомъ природа, (богочеловѣкъ) и Логосъ какъ первосвященникъ міра (спаситель). Часть третья: Логологія Филона по сравненію съ Іоанново-Христіанскимъ ученіемъ съ точекъ зрѣнія филоновскаго Логоса какъ имманентно-безличнаго Божества, какъ тварно-личнаго посредника, какъ средней богочеловѣческой природы и какъ первосвященника—спасителя міра.

Эта третья часть была самою уязвимою въ моей диссер-

таціи—съ формально-логической стороны. Въ ней повторялось то же, что говорилось и во второй, на основаніи матеріаловъ послѣдней, только безъ подробныхъ и длинныхъ выдержекъ и подъ угломъ христіанскаго вѣроученія. И приставлена она была мною, въ видѣ отдѣльной части, единственно для того, чтобы и выдержать объективность построенія филоновой логологии и придать диссертациі богословскій характеръ. А этого богословія отъ кандидатской диссертациі требовали и уставъ и Михаилъ. Много бы бесплодныхъ и мучительныхъ дней доставила эта формальность, если бы я писалъ сочиненіе В. Д. Кудрявцеву. Но Михаилъ, когда я высказалъ ему это затрудненіе свое, отнесся къ нему равнодушно, даже похвалилъ мой планъ: „и прекрасно, и отлично, и милое дѣло, коли иначе и нельзя, и пишите, пишите смѣло и увѣренно,—такъ и надо“ и пр. въ томъ же родѣ. Точно также, когда я сказалъ Михаилу, что у меня очень много выдержекъ изъ Филона, онъ повторилъ: „и прекрасно и тѣмъ оно лучше, только нуженъ вездѣ переводъ“.

Только уже спустя долгое время потомъ мнѣ пришлось вполнѣ постигнуть, какъ умѣло относился Михаилъ къ авторству своихъ учениковъ и какъ благотворно было отсутствіе у него всякой бесплодной формалистики. Когда я надумалъ печатать свою работу въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ, я понесъ ее къ В. Д. Кудрявцеву, и какъ къ будущему читателю моей диссертациі и какъ къ одному изъ редакторовъ академическаго журнала. При видѣ обширныхъ выдержекъ изъ Филона и на русскомъ и на греческомъ языкахъ, онъ сильно поморщился и сказалъ: „для журнала обременительно, а для диссертациі и не благовидно—маленькая голова на огромномъ туловищѣ,—и бесполезно—каждый читатель, если захочетъ, самъ прочтетъ по подлиннику“. А если, говорю, онъ не знаетъ греческаго языка?—„Такимъ незачѣмъ и читать вашей диссертациі, а если и прочтутъ, то не пожелаютъ провѣрки,—развѣ охотники провѣряютъ, какъ дѣлаютъ на заводахъ сталь ружья?“—Образъ толстопузаго ваньки-встаньки явился у меня такъ ярко, что я безъ всякихъ разсужденій поддался совѣту. Но это стоило мнѣ большихъ хлопотъ. Пришлось надъ каждою выдержкою обдумывать: привести ли ее глухо, или дословно, или сокращенно, или въ перифразѣ, по-гречески или по-русски

или и такъ и сякъ, въ текстѣ или подѣ чертою. Работа, конечно, сократилась вчетверо или пятеро. Но я жалѣю теперь объ этихъ опущеніяхъ: для чего же въ такомъ случаѣ дѣлаются переводы? Развѣ въ множествѣ случаевъ они не могутъ замѣнять подлинниковъ или наводить на мысль о справкахъ въ оригиналѣ?—Впрочемъ В. Д.—чѣ могъ упразднить эти выдержки и въ силу редакторскихъ полномочій даже противъ моей воли. Вѣдь у меня ни копѣйки не было на изданіе диссертациі, а казенный срокъ данъ невеликъ, слѣдовало торопиться. Формальныя затрудненія я избѣжалъ самъ, безъ указаній В. Д.—ча такъ: идею Логоса въ Вѣтхомъ Завѣтѣ напечаталъ отдѣльно въ Православномъ Обзорѣніи,—первую часть съ введеніемъ и вторую безъ двухъ послѣднихъ главъ—въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. Отцевъ,—а третью часть, соединивъ съ послѣдними двумя главами второй, обработалъ въ *pro venia legendi* и напечаталъ отдѣльно въ Прав. Обзорѣніи, за что и получилъ магистерство.

О своемъ кандидатскомъ сочиненіи я былъ нельзя сказать чтобы скромнаго мнѣнія. Я мечталъ тогда ни болѣе ни менѣе какъ только объ открытіи формулы или даже закона, по коимъ движется философская мысль. Совершенно раздѣливъ,—чему отчасти содѣйствовали мои прежнія работы о Джіордано Бруно и спекулятивномъ теизмѣ,—религіозное и философское знаніе, какъ мірознаніе и боговѣдѣніе, я поставилъ пантеизмъ или философію и теизмъ или религію, какъ двѣ данныя и положительныя противоположности, и по предметамъ, и по методамъ и по источникамъ вѣдѣнія. Истинная философія можетъ быть только космозофіей, мірознаніемъ и пантеизмомъ,—а истинная религія выражается только въ теософіи, богознаніи и теизмѣ. И никогда и ни одна философія не смогла удержаться въ своихъ границахъ космозофіи и всегда претендовала на абсолютность и теософію. Но не имѣя никакихъ возможностей къ боговѣдѣнію, она сначала всегда кончала самоубійствомъ и переходила въ философски абсурдный деизмъ, а потомъ въ столь же невозможный и искусственный философскій теизмъ. Эти три стадіи пантеизма, деизма и теизма (философскаго, въ противоположность религіозному) неизбѣжно проходитъ философская мысль каждой культуры, каждой эры, cadaго народа. Содержаніе фи-

лософіи мѣняется, сообразно времени, культурамъ и народностямъ, но формы пантеизма, деизма и теизма остаются всегда и вездѣ неизмѣнными. Сюда я подвелъ въ введеніи и Филона. Носился я тогда съ мыслью раскрыть этотъ законъ и во всей исторіи философіи, въ частности въ исторіи логологии. Но намѣреніе это, конечно, не могло пойти далѣе подземнаго помоста, какъ и большинство всѣхъ ребяческихъ затѣй и юношескихъ фантазій.

Воображалось также, что, освѣтивъ филонову логологию съ точки зрѣнія личныхъ религіозно-нравственныхъ запросовъ духа философа, я нашелъ ключъ къ объясненію противрѣчій Филона и вообще къ построенію его логологии.

Михаиль остался чрезвычайно доволенъ, восторженно меня облобызавъ, поздравилъ съ окончаніемъ продолжительнаго труда и съ скорымъ магистерствомъ. Впрочемъ отзывъ написалъ карандашемъ очень общій и краткій (двѣ странички самаго разгонистаго и крупнаго почерка). Въ немъ говорилось объ обширности труда, полной освѣдомленности съ литературою, самостоятельномъ изученіи подлинника, кажется, оригинальности постановки предмета, основательности, обработанности и точности философскаго языка и хорошей подготовкѣ лингвистической. Излагаю отзывъ по памяти, не ругаясь за буквальную точность. Баллъ самый высокій 5+.

Я ликовалъ. И странно, вопреки своему обычному настроенію по отношенію къ своей весьма и весьма неважной особѣ, я почему-то возмнилъ себя тогда героемъ, способнымъ дѣйствительно исполнить то, о чемъ мечталъ. Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость! Тѣмъ тяжелѣе было послѣдовавшее потомъ разочарованіе въ своихъ силахъ и убѣжденіе въ научной ничтожности моей работы и фантастичности моихъ затѣй.

Но это—послѣ. А тогда я перевалилъ на четвертый курсъ съ повышеннымъ настроеніемъ.

По идеѣ этотъ курсъ, безъ обязательныхъ лекцій и долбленія билетовъ подозрительной осмысленности, по несвязаннымъ между собою дисциплинамъ, представлялъ нѣчто въ высшей степени нужное и плодотворное. Дѣло въ томъ, что старая, какъ и теперешняя, академія выпускала своихъ питомцевъ неподготовленными ни къ практической ни къ научно-теоретической дѣятельности. Не смотря на довольно

почтенный возраст свой въ 24—26 лѣтъ, оканчивавшіе и оканчивающіе курсъ академіи не обладаютъ никакой практической подготовкой ни къ пастырству, ни къ учительству, ни къ профессурѣ, ни къ наукѣ. Все приходилось и приходится каждому начинать съ азовъ.

Тогдашній четвертый курсъ стремился устранить эту нелѣдность. Введены были спеціальныя группы дисциплинъ и практическія занятія по нимъ,—а отсутствіе обязательныхъ лекцій, сочиненій и экзаменовъ давало каждому полную возможность, при самыхъ наивозможно лучшихъ условіяхъ (библіотека, профессора-спеціалисты, отсутствіе постороннихъ работъ), самостоятельно работать надъ излюбленнымъ предметомъ.

Къ сожалѣнію дѣйствительность не соотвѣтствовала идеѣ. Для всякаго новаго дѣла законъ человѣческой инертности требуетъ особаго подгона. Русскому, а можетъ быть и всякому, человѣку для движенія по непроложенному пути нуженъ „кнутъ“, я едва не сказалъ съ Никаноромъ, архіеп. Одесскимъ „животворящій“, если бы это не отдавало кощунствомъ, особенно для архіепископа. А кнута не было. Для начинавшихъ привать-доцентовъ и доцентовъ спеціально-практическія занятія не всегда были подъ силу, да составленіе курса, а нѣкоторымъ и писаніе магистерской диссертациі—не оставляли времени для этого. Старцы ворчали на новшество, а можетъ быть и лѣнились. Такъ возъ стоялъ недвижимъ до 1884-го года, когда новый уставъ слалъ его въ архивъ исторіи академіи.

Все-таки кое-что пытались дѣлать. Моя спеціальная группа была VIII: греческій языкъ съ дополнительнымъ богословскимъ предметомъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Спеціальныя группы церковно-богословскихъ дисциплинъ не имѣли дополнительныхъ предметовъ, но для свѣтскихъ группъ требовался еще одинъ дополнительный церковно-богословскій предметъ, смотря по отдѣленію, напр. для богословскаго: догматика, патристика и др.,—для историческаго: церковная исторія общая и русская, библейская исторія,—для практическаго: каноника, гомилетика, литургика,—и для всѣхъ отдѣленій общесобязательныя богословскія дисциплины. Св. Писаніе, Основное богословіе. Я хотѣлъ было взять догматику или основное богословіе. Но Михаилъ мнѣ заявилъ,

что для магистерства надо взять предметъ, къ коему принадлежитъ диссертація, а моя-де работа относится къ Новому Завѣту. Но отдѣльнаго - де предмета Новый Завѣтъ не составляетъ, а соединенъ съ Ветхимъ. Пришлось взять цѣлую группу и такимъ образомъ готовиться по двумъ специальнымъ группамъ.

Кромѣ предоставлявшихся волѣ каждого домашнихъ занятій специальностями требовались и обязательныя работы въ видѣ рефератовъ, лекцій и конспектовъ по специальнымъ отдѣламъ дисциплинъ. По греческому языку я взялъ, по связи съ своею диссертаціей, Платона, написалъ подробный конспектъ о его жизни, сочиненіяхъ и учении, а для специального перевода - Федона. Практическими занятіями С. К. Смирновъ насъ не утруждалъ. Насъ было четверо, каждый написалъ и прочелъ по двѣ лекціи, слѣдовательно восемь—десять часовъ во весь годъ. При чтеніи лекціи дѣлались замѣчанія о дикціи, изложеніи и содержаніи. Я читалъ одну лекцію на свою тему: ученіе Платона о безсмертіи души въ Федонѣ,—были сдѣланы замѣчанія о длиннотѣ лекціи, ея философичности и особенно о быстротѣ моей дикціи. Для второй лекціи давалъ тему С. К.—чь: *βίος* и *ζωή*,—вышла маленькая и читалъ медленно,—прошла безъ замѣчаній. Эти же лекціи обращены были потомъ въ пробныя, дававшія право на преподаваніе греческаго языка въ семинаріи и избавлявшія отъ чтенія пробныхъ лекцій въ самихъ семинаріяхъ, передъ семинарскимъ совѣтомъ или правленіемъ.

По Священному Писанію никакихъ рефератовъ и лекцій я не читалъ, такъ какъ это былъ предметъ только дополнительнаго-богословскаго, а не для моего преподаванія въ семинаріи.

Но помню, что однажды Михаилъ собралъ своихъ специалистовъ въ аудиторію, сказалъ вступленіе на тему: „пересаживайте, пересаживайте заграничную богословскую науку на русскую православно-церковную почву,—и заставилъ меня толковать начало 1-го посланія Іоанна Богослова, входившаго въ мой конспектъ. Были и еще подобныя же выступленія, но я ничего о нихъ не помню.

По Ветхому Завѣту или совсѣмъ не было практики или же память теперь измѣняетъ мнѣ. Какъ будто мерещится, что происходили конфликты съ Елеонскимъ на почвѣ гре-

ческаго и еврейскаго языковъ, быть можетъ даже со мною. Во всякомъ случаѣ Е—кій въ то время еще не былъ достаточно подготовленъ къ веденію специально-научныхъ практическихъ занятій по Ветхому Завѣту. А я считалъ себя не обязаннымъ заниматься практикою по Ветхому Завѣту, какъ предмету только дополнительному. И если ходилъ когда на занятія, то добровольно и изъ любопытства.

По смыслу устава, кажется, ничего больше и не требовалось для полученія степени кандидата богословія и права на преподаваніе въ семинаріи. Только желаніе получить степень магистра обязаны были сдать нѣчто въ родѣ магистерскаго экзамена. Такъ толковалъ уставъ и Михаилъ, бывший тогда уже ректоромъ, почему онъ и провалилъ у насъ на магистранствѣ 13 человекъ, какового количества кандидатовъ не бывало ни прежде, ни послѣ. Держался онъ тогда того взгляда, что не слѣдуетъ давать магистранства тому, кто не желаетъ быть магистромъ, и что таковыхъ не должно принуждать къ магистранскому экзамену.

По Новому Завѣту я взялъ Евангеліе и посланія Іоанна, какъ стоявшія въ связи съ моею работою о Логосѣ. Въ теченіе года много занимался и написалъ обширный и весьма подробный конспектъ.

По Ветхому Завѣту Н. А. Елеонскій предложилъ было мнѣ Псалмы. Но у меня не было ни времени ни охоты отвлекаться отъ своихъ прямыхъ работъ въ область дополнительнаго и мнѣ не особенно нужнаго предмета. Сталъ просить Н. А.—ча о разрѣшеніи взять книгу Премудрости Соломоновой, какъ входившую въ предѣлы моей магистеріи. По своей добротѣ, хотя и съ большею неохотою, Н. А.—чъ согласился на незаконическую книгу. Съ этою книгою я уже былъ знакомъ (александрійскіе предшественники или сомысленники Филона) и написалъ также специальный и большой конспектъ. Но оказалось, что я подвелъ доброту Н. А.—ча подъ большую неприятность, какъ сейчасъ скажу объ этомъ.

Экзамень по греческому языку, моей прямой специальности, прошелъ гладко. На вопросы по конспекту я отвѣтилъ, меня только удивили специально-философскія познанія С. К.—ча объ идеяхъ Платона, чего я ужъ никакъ не предполагалъ у него. Но уже теперь только, при составленіи очерка о С. К.—чѣ для юбилейнаго изданія, я узналъ, что

объ идеяхъ Платона онъ писалъ Ѳ. А. Голубинскому семестровое сочиненіе, и очень дѣльное, напечатанное потомъ въ Москвитянинѣ. Переводъ изъ Федона à livre ouvert прошелъ также удовлетворительно. Только при объясненіи словъ *λεητοφυεῖν* или *λεητοφυία* я сообщилъ, кажется, не всѣ спеціально-археологическія обрядовыя подробности.

Экзамены по Новому и Ветхому Заѳѣту были одновременно. Присутствовали: Михайлъ, какъ ректоръ-предсѣдатель и профессоръ Новаго Заѳѣта,—Н. А. Елеонскій, какъ доцентъ по Ветхому Заѳѣтѣ,—Д. Ѳ. Голубинскій, какъ ассистентъ. Михайлъ провѣрялъ меня недолго,—два-три вопроса, ради формальности.

Но съ Н. А. Елеонскимъ вышло нѣкоторое столкновеніе. Михайлъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ и приподнятымъ голосомъ замѣтилъ: „Ну, теперь послушаемъ, чѣмъ угостите насъ по Ветхому Заѳѣту“. Елеонскій подаетъ Михайлу мой конспектъ.—„О Премудрости Соломоновой,—такой неважной въ Ветхомъ Заѳѣтѣ и даже неканонической книгѣ?! Стоило трудиться на магистра!“... Говоритъ ректоръ, и пренебрежительно конспектъ мой бросается въ сторону Н. А.—ча, какъ будто онъ былъ тутъ въ чемъ виноватъ.

Эту, оскорбительную для Елеонскаго, выходку Михаила я подозрѣваю въ искусственности и преднамѣренности со стороны его, она была совсѣмъ не въ духъ его обычной терпимости и даже какъ бы безразличія къ студенческому самоволію въ работахъ,—особенно по отношенію ко мнѣ. Да и ранѣе Михайлъ уже зналъ отъ меня, что готовлю я по Ветхому Заѳѣту, и, думаю, одобрилъ мой выборъ работы, по ея прямой связи съ магистеріей. Навѣрно говорилъ свое обычное: „и прекрасно, такъ и надо“ и т. д. Но Н. А.—чѣ Елеонскій, кажется, не скрывалъ своихъ симпатій къ П. И. Горскому и къ его партіи, и своей антипатіи къ Михаилу и Михайловской партіи. Михайлъ воспользовался случаемъ, въ качествѣ ректора, кольнуть самолюбіе малой спицы въ колесницѣ,—доцента.

Но Н. А.—чѣ рѣшилъ вымѣстить свою злость на мнѣ, магистрантѣ Михаила, пишущемъ магистерскую диссертацию ему. Онъ задался цѣлью ни болѣе ни менѣе какъ провалить меня на магистрантствѣ. Начались придирки въ явно раздраженномъ и кипятивомъ тонѣ, но мелкія, слабо обосно-

ванья и къ дѣлу мало относящіяся. Н. А—чь, конечно, не ожидалъ случившагося и не подготовился: а я стоялъ во всеоружіи спеціалиста и побѣдоносно отражалъ нападки. Михаилъ только ухмылялся, свысока поглядывалъ на доцента и кивалъ одобрительно мнѣ. Это, конечно, еще болѣе возбуждало Н. А—ча. Наконецъ онъ съ научной почвы перешелъ на мое якобы неправославіе и еретичество. У меня былъ въ конспектѣ тезисъ о связи книги съ александризмомъ, что, по Е—му, будто бы недопустимо для книги и неканонической, но библейской и церковной. Тезисъ указывалъ въ скобкахъ на нѣкоторыя сближенія книги съ александрійскою философіей (или стоицизмомъ чрезъ александризмъ), напр. въ идеѣ Логоса, перечисленіи добродѣтелей и др. Противъ этого обвиненія я побѣдоносно указалъ на цитаты ап. Павла изъ языческихъ писателей, на посланіе къ Евреямъ, на слово Логосъ у Іоанна Богослова, на святыхъ отцевъ и учителей Церкви.

Всю эту, довольно продолжительную, стычку прекратилъ Д. Θ. Голубинскій вопросомъ; „Вотъ вы утверждаете въ конспектѣ, что книга Премудрости имѣетъ александрійское происхожденіе,—а египтяне отличались знаніемъ математики и вообще естествознаніемъ: имѣете ли вы доказательство этого въ самой книгѣ?“ Я сослался на указанное въ конспектѣ мѣсто Прем. 11, 20: „вся мѣрою и числомъ и вѣсомъ расположилъ еси (*διέταξας*—устроилъ, упорядочилъ)“,—текстъ, всегда приводившійся самимъ Дим. Θ—чемъ во вступительной лекціи его.

Намѣренія со стороны Е—го провалить мое магистрантство я никакъ не могъ предполагать, такая нелѣпость совсѣмъ не приходила тогда въ голову мнѣ, хотя необычайная для Н. А—ча придирчивость вызывала во мнѣ недоумѣніе. Вскорѣ потомъ, черезъ годъ, когда я сдѣлался коллегой Н. А—ча, онъ рассказалъ мнѣ о своемъ спорѣ противъ моего магистрантства и о причинахъ его. Навѣрно онъ думалъ, что я это знаю. Но ни Михаилъ, ни Д. Θ—чь ничего мнѣ не говорили о поданномъ противъ меня голосѣ Е—го. Я это узналъ только отъ него самого. Одинъ голосъ, хотя бы, и спеціалиста, противъ двухъ значенія не имѣлъ, Н. А—чь могъ бы подать въ Совѣтъ свое заявленіе, но у него не было, для этого никакихъ основаній, кромѣ самой книги

Премудрости, которая была одобрена имъ. Да и странно: почему по Ветхому Заѣту нельзя было бы взять эту книгу для магистерскаго экзамена? Развѣ она не принадлежитъ Ветхому Заѣту и Библии? Наконецъ, въ Совѣтъ, если и могъ кто поддержать Е—го, то одинъ только его пріятель П. И. Горскій, въ чемъ однакожъ я сильно сомнѣваюсь. Во всякомъ случаѣ это была бы затѣя еще болѣе нелѣпая, чѣмъ самый экзаменъ,—и столь же безуспѣшная. Наконецъ, я могъ бы держать по другой дополнительной дисциплинѣ, а не по Св. Писанію.

Такъ окончился мой послѣдній въ жизни экзаменъ.

Главнымъ предметомъ моихъ занятій на 4-мъ курсѣ была магистерская диссертация. Теперь я работалъ надъ предполагавшеюся второю половиною диссертации—ученіемъ Іоанна Богослова о Логосѣ. Но тутъ я убѣдился, что правильнѣе и плодотворнѣе ставить противъ Филона не одного Іоанна Богослова, а и ап. Павла и вообще весь Новый Заѣтъ. Занялся изученіемъ идейной стороны всего Новаго Заѣта, какъ противоположности религіозно-нравственнаго теизма Новаго Заѣта философско-раціоналистическому теизму Филона. Получилось нѣчто въ родѣ новозавѣтной идеологіи или логологіи въ системѣ, приблизительно и въ общихъ чертахъ сходной съ тѣмъ, что мною изложено въ статьѣ Юбилейнаго Сборника: Новый Заѣтъ какъ предметъ православно-богословскаго изученія. Этимъ думалъ я закончить кругъ древней логологіи и перейти къ дальнѣйшему раскрытію историческаго движенія идеи Логоса въ періодъ святоотеческій, средніе вѣка и новое время.

Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Промысль судилъ мнѣ другія задачи. Всегда за все благодарю Бога и Отца во имя Господа нашего Іисуса Христа, ибо Богъ производитъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе, по благоволенію (Ефес. 5, 2 и Филип. 2, 13).

Наше богословское отдѣленіе, безъ Папаши, казалось убогонькимъ сравнительно съ другими, особенно съ историческимъ. У богослововъ были приватъ-доцентъ Н. И. Лебедевъ—кандидатъ, доцентъ Петропавловскій—магистръ, даже нелегально застрявшій въ академіи исправляющій должность доцента Иванцовъ, безъ степени,—да мало заявившіе себя въ наукѣ вѣчные магистры и экстраординарные П. И. Гор-

скій и П. И. Казанскій. Напротивъ, у историковъ были все свѣтила науки—или настоящіе или будущіе: П. С. Казанскій, Е. Е. Голубинскій, Н. И. Субботинъ, даже юнцы тогдашніе смотрѣли уже будущими богатырями науки—А. П. Лебедевъ и В. О. Ключевскій. А на практическомъ: талантливый ветеранъ Е. В. Амфитеатровъ, ученѣйшій А. Ѳ. Лавровъ и подававшій блестящія надежды, хотя и болѣзненный, И. Д. Мансветовъ. Предъ этими орлами и орлятами наши Петропавловскіе, Иванцовы, Лебедевы, Казанскіе, Горскіе совсѣмъ терялись, такъ что намъ, богословамъ, становилось иногда какъ будто стыдно вато и не кѣмъ было похвастать, когда начинались споры о томъ, какое отдѣленіе лучше, или надо было указывать на своихъ профессоровъ предъ вопросами лицъ постороннихъ. Приходилось отдѣлываться ссылками на преподавателей дисциплинъ общеобязательныхъ: Михаила, Кудрявцева, Потапова. Впослѣдствіи, когда я самъ былъ уже преподавателемъ общеобязательнаго предмета, хотя административно и принадлежавшаго къ богословскому отдѣленію, мнѣ приходилось глотать отъ А. П. Лебедева такіа пилюли, какъ: „на вашемъ богословскомъ отдѣленіи все бездарности и лѣнтяи“. Укажешь на Михаила или Кудрявцева, а онъ: „но это вѣдь общеобязательные предметы“, и под. Надо замѣтить, что изъ общеобязательныхъ предметовъ одни административно причислялись къ богословскому отдѣленію: психологія, метафизика съ логикою, исторія философіи, Св. Писаніе, основное богословіе и педагогика, — а другіе къ практическому: древніе языки.

Напротивъ студенты на богословское отдѣленіе обычно отбирались получше, на историческое средніе, а на практическое по хуже. Такъ и говорили: богословы—мыслители и философы, историки—труженики, а практики—бездѣльники. Такая общая характеристика, какъ и все слишкомъ общее, конечно, требуетъ очень большихъ ограниченій и многочисленныхъ исключеній. Тѣмъ не менѣе опытъ оправдываетъ характеристику. За 12 лѣтъ дѣйствія устава, съ 1872 по 1884, богословское отдѣленіе дало 21 магистра, историческое только 10, а практическое всего 7, такъ что оба отдѣленія вмѣстѣ—историческое и практическое дали магистровъ меньше, чѣмъ одно богословское. И это тѣмъ любопытнѣе, что богословскія дисциплины, при огромной разработкѣ ихъ на

Западъ, гораздо труднѣе для диссертаций, чѣмъ историческія и практическія, особенно относящіяся къ Россіи. Наблюденіе это не теряетъ значенія, если исключить и темы по общеобязательнымъ богословскимъ предметамъ—Св. Писанію и основному богословію, такъ какъ получится: богословскихъ и историческихъ темъ по ровну (8), а практическихъ только половина (4).

Объясняется это тѣмъ же, почему и я попалъ на богословское отдѣленіе. Всякій семинаристъ желаетъ пѣть басомъ и быть философомъ, была поговорка у насъ. Преподаватели философіи въ семинаріи считались умнягами. Въ первыхъ двухъ классахъ словесность и литература, кромѣ внѣшней стороны и фабулъ, еще мало доступны пониманію, для этого нуженъ жизненный опытъ,—а исторію только долбили по Иловайскому. Напротивъ, въ среднихъ классахъ, третьемъ и четвертомъ, уже понимали и логику, и психологию, и отчасти, по крайней мѣрѣ, философію: это были науки развивающія. Затѣмъ въ богословскихъ классахъ, пятомъ и шестомъ, господствовало богословіе основное и догматическое, уже вполне доступное разумѣнію взрослыхъ молодыхъ людей, двадцати—двадцатидвухъ лѣтъ. Между тѣмъ исторіи церковная—общая и русская и исторія раскола оставались долбнею, противною начинавшимъ разсуждать молодымъ умамъ. Ни ученики, ни учителя, кажется, и не подозрѣвали возможности философіи исторіи, идейнаго освѣщенія ея и идейно-философскихъ разсужденій надъ событіями. И темы для сочиненій давались или повѣствовательнаго или разъяснительнаго характера, но отнюдь не идейно-философскаго, напримѣръ: аріанскіе споры, крещеніе Руси, причины возникновенія раскола, ересь жидовствующихъ и т. п. все въ томъ же духѣ учебниковъ Е. Смирнова и Иловайскаго,—или же въ гомилетическо-напыщенномъ тонѣ Филарета Черниговскаго, напр. самоуничтоженіе раскола, протопопъ Аввакумъ какъ образецъ пустосвята и под. Интеллектуальною слабостью учебниковъ и преподавателей исторіи въ семинаріяхъ объясняется, что наиболѣе развитые семинаристы питали ко всякимъ исторіямъ глубокое отвращеніе и видѣли въ нихъ утомительно-безплодную долбню. Таково ли положеніе исторіи въ теперешнихъ семинаріяхъ, не знаю, но желалъ бы, чтобы оно было не таково.

Съ такимъ, сказать, противоисторическимъ и философско-богословскимъ настроеніемъ являлись и въ академіи наиболѣе развитые и даровитые семинаристы-перворазрядники. На историческое и практическое отдѣленія поступали или тѣ, кто не имѣлъ ужь никакого расположенія и способности къ богословію и философіи, или же тѣ немногіе счастливыя, у кого были болѣе умные и даровитые преподаватели по исторіямъ и литературѣ или гомилетикѣ.

Въ нашей семинаріи такихъ не было, исключая одного преподавателя гомилетики, литургйки и руководства для пастырей—Глѣбова. Вслѣдъ за семинарскими авторитетами я и самъ считалъ себя богословомъ и не любилъ исторіи, поэтому записался на богословское отдѣленіе,—а мой товарищъ, И. Ѳ. Перовъ, избралъ практическое, тоже, кажется, по совѣту Глѣбова.

Правда, очень скоро постигъ я глубокую разницу между богословскимъ и историческимъ отдѣленіями, но моя слабохарактерность и настойчивость Папаши закрѣпили меня за богословскимъ отдѣленіемъ. Впрочемъ, вышелъ ли бы какой толкъ изъ моего перехода на историческое отдѣленіе, сомнѣваюсь,—пожалуй, измѣнились бы только семестряки и экзамены, а кандидатское и магистерское остались бы тѣ же. Но если бы вотъ теперь пришлось избирать отдѣленіе, я предпочелъ бы практическое, съ его литургикою и гомилетикою. Да, *transeunt anni, gustus mutantur!*

Сообщу, что знаю лично и отъ другихъ о профессорахъ историческаго и пракческаго отдѣленій.

П. С. Казанскій, помощникъ ректора (почему-то назывались у насъ деканами) на историческомъ отдѣленіи (на нашемъ помощникомъ ректора былъ В. Д. Кудрявцевъ) и ординарный профессоръ древней гражданской исторіи. Сухой, изможденный, чахоточный, высокій старикъ. Старый, такъ сказать заржавленный холостякъ, онъ жилъ въ своемъ домѣ на Виеанкѣ (домъ этотъ потомъ перешелъ къ женатому на его племянницѣ проф. однофамильцу П. И. Казанскому) вдвоемъ съ служителемъ, въ стилѣ старинныхъ преданныхъ барскихъ слугъ, такимъ же суровымъ, какъ баринъ, постоянно набивавшимъ барину трубку табакомъ и подававшимъ зажженную спичку. П. С. представляется мнѣ сейчасъ сидящимъ за большимъ письменнымъ столомъ, беспорядочно заваленнымъ

множествомъ карандашей, гусиныхъ перьевъ, чернильницъ, тетрадей, фоліантовъ книжныхъ и рукописей, — въ сѣромъ старомъ халатѣ съ колпакомъ на головѣ и трубкою, набитою тогдашнимъ моднымъ табакомъ Жукова, съ длиннѣйшимъ, аршина въ $2\frac{1}{2}$ —3, чубукомъ. Онъ былъ нелюдимъ, суровъ съ посѣтителями, студенты не любили ходить къ нему. Когда пришелъ срокъ подачи перваго семестряка, Кудрявцевъ и Амфитеатровъ отсрочили намъ подачу дня на два—на три. А историки, кажется, не пошли за отсрочкою къ Казанскому, — говорили, не въ серьезъ, конечно, что онъ пускаетъ въ ходъ свой чубукъ, по крайней мѣрѣ противъ своего служителя. Считали его строгимъ формалистомъ, правдолюбомъ, ревнителемъ экономическихъ интересовъ академическихъ, въ частности и особенно студенческихъ — въ правленіи. Рассказывали такой случай: послѣ всенощной, въ темную дождливую осеннюю ночь, выйдя на крыльцо и увидавъ предназначавшуюся для жены и дочери инспектора пролетку, онъ сѣлъ самъ и велѣлъ везти себя домой, такъ какъ инспектору де по штату не полагается лошади и экипажа. Подобныя выходки П. С — ча въ правленіи создали ему многихъ недоброжелателей въ корпораціи, такъ что онъ послѣ 30-лѣтней службы не былъ избранъ на послѣднее пятилѣтіе и съ большими препонами получилъ степень доктора. И это — несмотря на то, что А. В. Горскій, пользовавшійся всеобщою любовью и авторитетомъ, былъ за П. С — ча. Одинъ изъ студентовъ старшихъ курсовъ рассказывалъ, что когда П. С. жилъ еще въ академическомъ корпусѣ, съ бакалаврами на положеніи холостяка, помѣщавшіеся тамъ же студенты досаждали строптиваго профессора рупоромъ физическаго кабинета чрезъ печь или полъ. Сообщали, что онъ улекъ въ монахи не мало провинившихся студентовъ, — между прочимъ съ его именемъ соединяется и монашество Михаила. Онъ былъ очень исправенъ въ посѣщеніи лекцій и храма. Какъ сейчасъ вижу его высокую, тонкую, согбенную фигуру въ прежнемъ, уютномъ и небольшомъ, какъ бы семейно-академическомъ храмѣ, одиноко стоящую на правой сторонѣ, позади Кудрявцева съ супругою и С. К. Смирнова, нерѣдко разговаривавшихъ во всю службу. П. С — чъ стоялъ неподвижно, согбенно и сосредоточенно, лишь изрѣдка издавая грудной кашель и убирая

мокроту въ цвѣтной шелковый платокъ. Лекцій онъ также, кажется, никогда не опускалъ и являлся очень скоро послѣ звонка, не заставляя слушателей долго ждать его. Я былъ только дважды на его лекціяхъ. Въ началѣ курса и на его прощаніи со студентами. Онъ постоянно кашлялъ, такъ что о немъ слушатели говорили, что онъ „кашляетъ свои лекціи“. Начинать читать тихимъ и низкимъ басомъ, потомъ возвышалъ голосъ и доходилъ до чахоточнаго, рѣзко непріятнаго крика. Читалъ по дьячковски, безъ всякой выразительности, хотя, повидимому, съ претензіей на декламацию. Содержаніе лекціи: поминаніе безконечнаго ряда мудреныхъ именъ и династій не то китайскихъ, не то египетскихъ, не помню. Слушать было нечего, запоминать невозможно. Лекція была, очевидно, заимствована изъ какой нибудь иностранной исторіи Китая или Египта. Почему-то историкамъ его лекціи казались очень учеными. Но еще послушать подобную лекцію меня не заманили бы ужъ никакіе калачи. Но у П. С—ча былъ большой ученый авторитетъ русскаго историка, съ его именемъ соединялось начало научной критики Несторовой лѣтописи. Однакожъ мнѣ пришлось быть еще на одной, прощальной, лекціи П. С—ча, когда историки, кажется, демонстративно, въ пику забаллатировавшему П. С—ча на послѣднее пятилѣтіе Совѣту, что-то подносили ему и что-то говорили (адресъ или рѣчь, не помню). Въ отвѣтъ П. С—чь сказалъ прекрасную и дѣйствительно одушевленную лекцію, съ дрожаніемъ голоса и слезами на глазахъ. Послѣднее, въ началѣ лекціи, когда онъ говорилъ, какъ тяжело ему оставлять Академію, особенно аудиторію и студентовъ послѣ 30-лѣтней службы. Потомъ онъ перешелъ къ спокойному поученію студентовъ и призыву ихъ къ научной разработкѣ русской исторіи, въ какомъ бы положеніи они ни очутились по выходѣ изъ академіи. „Для этого, говорилъ онъ, не требуется какихъ либо выдающихся талантовъ. Вотъ я не могу похвалиться выдающимися способностями, кончилъ, не высоко, не первакомъ (четвертымъ, 13-го курса, 1842 г.,—его товарищи: Аничковъ, Іоаннъ Соколовъ, впоследствии еп. Смоленскій, Левицкій, авторъ Премудрости и Благости Божіей, Полисадовъ), а вѣдь все же кое-что сдѣлалъ по наукѣ. И каждый изъ васъ легко найдетъ себѣ работу, не только въ губернскихъ большихъ городахъ, въ консисторскихъ и

семинарскихъ архивахъ, въ описаніи археологическихъ памятниковъ, — даже въ уѣздныхъ городахъ, въ духовныхъ училищахъ, старинныхъ церквахъ и под. Работайте же вездѣ, гдѣ бы ни служили вы“. Это простое, искреннее и задушевное напутствіе произвело на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ другія лекціи такъ называемыхъ интересныхъ профессоровъ. Припоминаю смутно докторскій диспутъ П. С—ча, въ рождественскій семестръ 1873 г. По новому уставу П. С—чъ, какъ ординарный профессоръ, обязанъ былъ въ двухлѣтній срокъ представить и защитить докторскую диссертацию. Для сего онъ, какъ нѣкоторые другіе (Михаилъ, Кудрявцевъ, С. К. Смирновъ), представилъ ранѣе напечатанные имъ труды о Египетскомъ монашествѣ, — труды, сколько мнѣ извѣстно, въ научномъ отношеніи не особенно важные и не стоявшіе на тогдашнемъ научномъ уровнѣ. Притомъ съ забаллатированіемъ П. С—ча на слѣдующее пятилѣтіе и уже состоявшимся предназначеніемъ къ занятію чрезъ годъ его катедры Н. Θ. Каптеревымъ, — полученіе П. С—чемъ докторской степени не имѣло для него уже никакого значенія. Но онъ, повидимому, изъ-за упрямаго желанія довести дѣло своего докторства до конца, въ виду бывшаго скандала (члены Совѣта не явились на назначенный уже диспутъ въ достаточно числѣ), не захотѣлъ прекращать дѣла и пожелалъ публичнаго диспута и защиты докторской диссертациі. Официальными оппонентами были самъ А. В. Горскій, защитникъ П. С—ча, — и молодой доцентъ А. П. Лебедевъ, на частныхъ совѣтахъ историческаго отдѣленія примыкавшій къ противной партіи. Надо замѣтить, что эта партійность продолжалась потомъ и въ дѣлѣ замѣщенія экстраординатуры на историческомъ отдѣленіи въ началѣ 1875-го года. Изъ двухъ кандидатовъ—В. О. Ключевского, ставленника партіи Казанскаго и Горскаго, и А. П. Лебедева, ставленника партіи Михаила и Амфитеатрова, — большинство голосовъ (8 избирательныхъ и 4 неизбирательныхъ) получилъ ставленникъ второй партіи А. П. Лебедевъ, (Журналы, стр. 26). Это извѣстно было и студентамъ. Диспутъ происходилъ 2-го октября 1873-го года, въ присутствіи Москов. викарнаго епископа Игнатія. А. В. Горскій читалъ что-то въ родѣ лекціи, хвалилъ книги П. С—ча, подробностей не помню. А. П. Лебедевъ выступилъ съ повышенною притязательностью молодаго доцента, впер-

вые выступающаго на ученѣмъ публичномъ состязаніи. Но П. С. скоро и рѣзко осадилъ его. Рѣчь зашла о годѣ смерти св. Аѳанасія Александрійскаго. П. С.—чѣ на какое-то возраженіе отвѣтилъ контрвозраженіемъ: „Да въ какомъ, по вашему, году умеръ Аѳанасій?“—А. П.—чѣ замаялся, осѣлъ, сталъ ерзать въ креслѣ, какъ это обычно онъ дѣлалъ на каедрѣ.—„Не знаете?! Еще не успѣли узнать?! Такъ я скажу Вамъ: въ такомъ-то году. Стало быть этого не могло быть“. Я не понялъ и не запомнилъ, въ чемъ тутъ было дѣло. Но интересно то, что у студентовъ въ тотъ же день распространилось сообщеніе (полагаю, что этому содѣйствовалъ П. И. Горскій, племянникъ П. С.—ча), что на бывшей послѣ диспута у ректора закускѣ, П. С.—чѣ будто бы обратился къ А. П.—чу съ такими словами: „а я совралъ Вамъ о годѣ смерти Аѳанасія, — видно, что Вы еще мелко плаваете по историческому морю“. Правда это или нѣтъ, не знаю,—впоследствии, при близкомъ знакомствѣ съ А. Петровичемъ, я ни разу не провѣрилъ у него этотъ слухъ,—тогда я не интересовался еще такими пустяками стариковскаго возраста. Во всякомъ случаѣ это любопытно для характеристики тогдашней интеллектуальной жизни студентовъ и профессоровъ.—Припоминаю случай, бывшій съ однимъ изъ моихъ товарищей. Онъ осмѣлился пойти къ П. С.—чу за совѣтомъ о пособіяхъ на церковно-историческую тему, по патристикѣ, чуть ли не объ исторіи Евсевія. П. С.—чѣ сказалъ, что на тему у него нѣтъ ничего, но вотъ „профессоръ“ (sic! тогда еще доцентъ) А. П. Лебедевъ издалъ цѣлую книгу объ этомъ, попросите у него. Тотъ, ничто же сумняся, идетъ къ А. П.—чу и въ простѣ просить одолжить для пользованія его книгу о церковной исторіи Евсевія. А. П. Лебедевъ смутился и заявилъ, что онъ не издавалъ такой книги. Спросилъ, почему студентъ пришелъ къ нему,—и узнавъ, что его послалъ П. С.—чѣ, заявилъ, что это онъ нарочно, въ насмѣшку надъ молодымъ доцентомъ. Весьма вѣроятно, что съ заносчивостью молодаго таланта А. П. когда нибудь говорилъ о своемъ намѣреніи заняться церковной исторіей Евсевія,—да впоследствии онъ и дѣйствительно издалъ книгу о церковныхъ историкахъ. Но въ то время онъ печаталъ свою магистерскую диссертацию, посвященную разбору Дарвина. Тогда (27 курсъ 1879 г.) диссертациія еше не защищалась публично и темы студентами

брались не добровольно, а назначались имъ Совѣтомъ. П. С—чь хотя и былъ подвижникомъ науки, но не чуждался общенія съ товарищами, бывалъ на вечерахъ у другихъ и устраивалъ ихъ у себя, —игралъ въ карты, какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ отдѣлъ подъ заглавіемъ „картежныя дѣла“ въ записной книжкѣ С. К. Смирнова (Юбил. изданіе „Памяти почившихъ наставниковъ“, стр. 256).

Андрей Петровичъ Смирновъ—молодой доцентъ по библейской исторіи. Мнѣ пришлось выслушать его первую вступительную лекцію. Явился онъ въ аудиторію не совсѣмъ въ обычномъ видѣ. Высокій, стройный, довольно красивый, съ большимъ открытымъ лбомъ, молодой доцентъ былъ въ новенькомъ цивильномъ фракѣ, бѣломъ открытомъ жилетѣ, съ массивною золотою цѣпью при золотыхъ часахъ, бѣлою сорочкѣ съ блестящими золотыми запонками на груди и въ рукавахъ, бѣломъ галстукѣ, съ бѣлою перчаткою на лѣвой рукѣ и съ другою въ ней перчаткою и блестящимъ цилиндромъ. Все блестѣло на немъ, и самъ онъ былъ какой-то сіяющей, приподнятый. Оказалось потомъ, что онъ былъ въ визитномъ костюмѣ молодожена, предъ визитами или послѣ ихъ. Но рѣчь и выговоръ молодожена совсѣмъ не соответствовали его аристократическому внѣшнему виду: частая, скрадывающая буквы, съ рѣзко выраженнымъ ярославскимъ акцентомъ. Надъ этимъ говоромъ уже во время пріемныхъ экзаменовъ ходила насмѣшка въ такой фразѣ: „Мотылек-отъ порхать, порхать“, точно также какъ воронежцевъ и курянъ высмѣивали словами: „Хваустъ, Хведоръ, Митрохваяъ“. Молодой доцентъ не всходилъ на кафедру, а ходилъ вдоль аудиторіи предъ слушателями, держа цилиндръ и перчатку въ лѣвой рукѣ и часто-часто сыпалъ что-то о ретроспективныхъ взглядахъ на исторію, и многое множество нѣмецкихъ словъ. Я не уловилъ содержанія лекціи, ея темы и развитія. Повидимому рѣчь шла о новѣйшихъ нѣмецкихъ построеніяхъ библейской исторіи на основаніи вновь открываемыхъ памятниковъ и по новой критической методѣ. Ни одной лекціи болѣе я не слыхалъ. Историки, приходя съ его лекціей, нерѣдко высмѣивали его увлеченіе нѣмецкими терминами и прозвали его Штаттгальтеромъ, потому что этимъ терминомъ и канцлерами онъ называлъ намѣстниковъ и высшихъ правительственныхныхъ лицъ библейскихъ царей. Впрочемъ, у

А. П.—ча былъ далеко незаурядный талантъ художника-публициста съ библейскимъ стилемъ. Библию онъ зналъ превосходно, какъ средневѣковый раввинъ: онъ не только говорилъ Библией,—онъ ею думалъ и чувствовалъ. Его очерки библейскихъ лицъ и событій и библейскія изреченія въ примѣненіи къ современности и для освѣщенія ея восхитительны, полны истинной художественности, теплой задушевности и неподражаемой оригинальности. Какъ художникъ-публицистъ А. П. Смирновъ вправѣ ожидать подобающей оцѣнки отъ казенныхъ и добровольныхъ любителей церковнаго краснорѣчія: Его лекціи-статьи въ этомъ стилѣ увлекательны. За все столѣтіе съ нимъ, въ этомъ отношеніи, можетъ равняться развѣ одинъ Іоаннъ Смоленскій.

Алексѣй Петровичъ Лебедевъ, то же молодой доцентъ, товарищъ А. П. Смирнова, но „изъ молодыхъ да ранній“, уже тогда смотрѣвшій будущему знаменитостью, и по профессурѣ и по наукѣ. Внѣшній видъ имѣлъ тогда мало профессорскій. Это—не дарвиновская голова съ большою бородою П. И. Горскаго. И не изможденный аскетъ въ восточномъ стилѣ, какъ П. С. Казанскій. Тѣмъ менѣе А. В. Горскій съ благообразнымъ видомъ святаго отца. А. П.—чь оставлялъ впечатлѣніе длинноты, узкости и нескладности. Особенно голова: очень небольшая съ необыкновенно узенькимъ и неравнымъ лбомъ. Лицо клинообразнымъ осколкомъ, съ очками вмѣсто глазъ и худосочною растительностью на губахъ, щекахъ и подбородкѣ. Впослѣдствіи, когда А. П. очень растолстѣлъ, получилась маленькая голова на огромномъ туловищѣ. Входилъ на кафедру маленькими шажками, какъ будто кокетливо и рисуясь садился въ кресло, начиналъ безпокойно привставать и присѣдать, ерзать, дергаться. Потомъ вынималъ тетрадку, близко-близко прижимался къ ней (былъ очень близорукъ) и послѣ нѣсколькихъ откашливаній, издавъ сначала какое-то мычаніе, начиналъ чтеніе или очень низко, переходя потомъ къ высокому крику, или начиналъ съ высокихъ нотъ переходя къ болѣе низкимъ. И эти переходы не стояли ни въ какой зависимости отъ содержанія лекцій. Въ манерѣ чтенія было у А. П. сходство съ П. С., но П. С. читалъ басомъ, а А. П. крикливымъ теноромъ. Во время чтенія А. П. то поднималъ очень высоко спину, то опускался, напоминая движенія морскаго

дельфина. Въ первые годы, при мнѣ, онъ очень гнусавиль. Такъ какъ въ обычной бесѣдѣ и въ позднѣйшей актовой рѣчи (о Теофано) никакой гнусавости у него не замѣчалось, то я думаю, что это было кокетствомъ неумѣлаго подражанія французскому говору. Но по содержанію и изложенію лекціи были превосходны. Стилъ легкій, ясный, простой, безъ всякой искусственности и разныхъ вывертовъ краснорѣчія, риторики и фразистости. Каждая лекція оставляла въ головѣ отчетливое впечатлѣніе о предметѣ и запоминалась. Въ его чтеніяхъ были и логичность и нѣкоторая идейность, чего такъ недоставало семинарскимъ учебникамъ и лекціямъ П. С. Казанскаго. Точное представленіе о его лекціяхъ даютъ его сочиненія, всѣ представляющія обработку его аудиторныхъ чтеній. Наиболѣе типичнымъ выраженіемъ лекціи моего студенчества можетъ служить его докторская диссертация о вселенскихъ соборахъ IV и V вѣковъ. Я очень любилъ слушать лекціи А. П—ча, и не смотря на свою неисправность въ этомъ дѣлѣ часто ходилъ къ нему на всѣхъ курсахъ, даже и на четвертомъ. Послѣ греческаго языка и Михаила это былъ наиболѣе часто мною посѣщаемый профессоръ. Аудиторія его всегда была полна. Оставляя въ сторонѣ чисто научную сторону, подлежащую субъективной оцѣнкѣ, какъ профессоръ А. П—чь былъ образцовѣйшимъ. Онъ любилъ новенькую книжку до фанатизма, на лету ловилъ всѣ заграничныя новинки и немедленно же знакомилъ съ ними и аудиторію и печать. Своими лекціями, семестровыми сочиненіями и кандидатскими разсужденіями онъ умѣло вызывалъ на свѣтъ печатныя магистерскія работы,—изъ дюжины (приблизительно) таковыхъ половина принадлежитъ лицамъ, занявшимъ профессуры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: Андреевъ, Глубоковскій, Доброклонскій, Лебедевъ Н. И., Мартыновъ и Спасскій,—можно даже говорить о церковно-исторической школѣ Лебедева въ Московской Духовной Академіи. Наконецъ А. П—чь обладалъ завиднымъ и рѣдкимъ для профессора и ученаго *ars tacendi*, даромъ говорить и писать только о предметѣ,—не загромождать темы отступленіями и набиваніемъ попутнаго ученаго балласта,—не разбавлять изслѣдованія или разсужденія издательствомъ матеріала и не затмевать головы туловищемъ,—недостатокъ, въ коемъ теперь стали упрекать

русскихъ заграничные рецензенты. „Дѣйствительно только то, что разумно и на тему“, шутливо въ духѣ Гегеля говариваль А. П.—чь мнѣ, начинавшему писаку,—впрочемъ безплодно.—Во время студенчества я только разъ лично обращался къ А. П.—чу, на первомъ курсѣ, во время патристическаго семестряка. А. П. жилъ тогда на квартирѣ у инспектора С. К. Смирнова, во флигелѣ (домъ и флигель цѣлы до нынѣ, принадлежать Зайцеву), противъ коего стоялъ деревянный (теперь кирпичный) сарай, а передъ нимъ огромный собачникъ и въ немъ большой цѣпной песъ. Въ то время А. П. напечаталъ свою магистерскую диссертацию противъ Дарвина. По этому поводу одинъ остроумный сожитель нашего номера далъ А. П.—чу прозвище: „антидарвинистъ, что противъ собачьей конуры“. Изъ данныхъ по патристикѣ темъ я прежде избранія Философуменъ пожелалъ ознакомиться съ темою о церковной исторіи Евсевія (не то характеристика ея, не то источники, не припомню). Квартира и обитатель ея напомнили мнѣ П. С. Казанскаго: табачный чадъ, книги и тощій высокій обитатель. А. П. весьма любезно, но дѣловито принялъ меня, спросилъ о моей нуждѣ въ немъ. А что же вашъ специалистъ? Впрочемъ ему теперь не до благочестивой (Евсевій) патристики“, иѣсколько какъ бы пренебрежительно замѣтилъ онъ, намекая на періодическую болѣзнь нашего патролога. Далъ книжки двѣ нѣмецкихъ и одинъ большущій фоліантъ старый на латинскомъ языкѣ (теперь не припомню заглавій и авторовъ), сказавъ, чтобы я поскорѣ возвратилъ ихъ къ нему. При этомъ замѣтилъ еще по моему адресу: „вотъ, кода познакомитесь съ Евсевиємъ хорошенько, не будете вести нелѣпныхъ споровъ, какъ на приемномъ экзаменѣ“. Я смутился и пробормоталъ что-то въ родѣ извиненія.—Впослѣдствіи мнѣ пришлось ближе узнать доброту, привѣтливость, благожелательность и благодушную насмѣшливость А. П.—ча. Онъ не былъ замкнутымъ аскетомъ науки, но, при всей огромной усидчивости и рѣдкомъ трудолюбіи, находилъ время и для загородныхъ прогулокъ и вечеринокъ въ компаніи съ игрою въ карты (проферансъ и винтъ) и чарою добраго вина, всегда умѣренной, безъ эксцессовъ. Впрочемъ А. П.—чемъ иногда допускались и обидныя рѣзкости по отношенію къ другимъ, что и ему самому приходилось терпѣть отъ другихъ. Были у него непріатели:

П. И. Горскій, Д. Θ. Касицынъ, В. О. Ключевскій. Считаю нужнымъ упомянуть объ этомъ для правильной оцѣнки сужденій какъ его самого о другихъ лицахъ, такъ и другихъ лицъ о немъ. Я лично находился въ добромъ пріятельствѣ съ А. П.—чемъ до торжественнаго обѣда въ честь его 25-лѣтняго юбилея въ 1895-мъ году. Мнѣ и сидѣвшему рядомъ коллегѣ стала претить нѣкая, показавшаяся намъ, неумѣренность самовосхваленій А. П.—ча въ его отвѣтахъ на юбилейныя привѣтствія. Рѣшили и мы сказать по тосту, но тосты вышли неумѣстные. Мой сосѣдъ съ истинно великорусскимъ прямодушіемъ сказалъ что-то о юбилейномъ фотографическомъ вѣнкѣ, въ центрѣ коего (кажется, вмѣсто портрета) должно стоять слово „я“. Я сказалъ нѣчто похитрѣе: „Митрополитъ Филаретъ, когда ему было предложено написать свою автобіографію для какого то изданія, далъ такой отвѣтъ: худо учили, хуже учился, а еще хуже училъ. Если такъ или приблизительно такъ, не помню, сказалъ о себѣ великій и всѣми чтимый Филаретъ, то что же можемъ говорить о себѣ мы, люди маленькіе предъ Филаретомъ?—Но Вы, Алексѣй Петровичъ, счастливое исключеніе. Если по филаретовскому смиренію скажете о своемъ профессорствѣ то, что сказалъ Филаретъ о своемъ учительствѣ, то сомнѣннѣе Вашихъ учениковъ выступить живымъ свидѣтелемъ противъ Вашего смиренномудрія, ни въ коемъ случаѣ не могущее воспретить Вамъ сказать о себѣ самомъ: „я трудился“. Собственно ничего, по существу, прямо оскорбительнаго для А. П.—ча не заключалось въ этомъ тостѣ. Но сравненіе съ Филаретомъ и рѣчь о смиренномудріи и трудолюбіи почему-то показалась нѣкоторымъ оскорбительными для А. П.—ча. Внушили ли другіе А. П.—чу объ оскорбительности моего тоста, или же самъ онъ усмотрѣлъ ее, но только съ той поры его благодушное общеніе со мною прекратилось, о чемъ искренно сожалѣлъ я,—между тѣмъ какъ съ другимъ ораторомъ продолжалось. — Считаю долгомъ еще сообщить, что А. П.—чъ не всегда былъ преувеличенно высокаго о себѣ самомъ мнѣнія: съ годами это настроеніе мѣнялось и однажды на прогулкѣ имъ высказано было желаніе помѣстить на своемъ могильномъ памятникѣ слова блаж. Августина (сейчасъ не припоминаю ихъ точно), выражающія его недовольство собою. Нѣкоторую тѣнь на свѣтлую память А. П.—ча

бросаетъ его не довольно тактичная и надменная полемика съ профессоромъ университета прот. А. М. Иванцовымъ, коего кафедре занялъ А. П—чь. Годы и слава, повидимому, ослабляли свойственную молодому А. П—чу сдержанность. *Non parces mutant mores*. Вообще съ переходомъ А. П—ча въ университетъ его блестящая профессорская звѣзда померкла. И это, по моему мнѣнiю, служить однимъ изъ многочисленныхъ, моимъ многолѣтнимъ опытомъ наблюдавшихся, доказательствъ мздовоздаянiя въ сей жизни, помимо будущаго суда: униженiе за превозношенiе, и именно профессорское.

В. О. Ключевскiй—другой молодой доцентъ, но уже тогда глядѣвшiй знаменитостью, особенно благодаря своей капитальной магистерской диссертации о житiяхъ русскихъ святыхъ. Его лекции я посѣщаль гораздо рѣже, чѣмъ А. П—ча Лебедева. Откровенно скажу: онъ нравились мнѣ менѣе чѣмъ лекции А. П—ча, можетъ быть потому, что церковная исторiя вообще болѣе меня интересовала, чѣмъ гражданская. На первой лекции онъ говорилъ о первоначальномъ заселенiи Россiи и о культурѣ ея первобытной природы. Коротко и картинно изобразиль В. О—чь, какъ тогдашнiй русскiй мужикъ съ топоромъ въ рукахъ вырубаль вѣковые лѣса, строиль срубы и ограды, сколачиваль струги и пускался вплавь по рѣкамъ и озерамъ и пр. Лѣтомъ во время каникулъ я прочиталь нѣсколько первыхъ томовъ исторiи Соловьева изъ библiотеки богатаго помѣщика Нечаева (потомъ присоединившаго фамилiю Мальцева), и мнѣ показалось много знакомаго въ лекции В. О—ча: она была, повидимому, краткимъ и мастерскимъ резюме Соловьева. Бываль я и на его знаменитыхъ характеристикахъ Грознаго, Ѳедора Ивановича, Алексѣя Михайловича, Петра Великаго, Павла. Болѣе чѣмъ средняго роста, тонкiй, сухощавый брюнетъ, нѣсколько сутуловатый, съ нѣсколько вытянутыми впередъ шейю и головою, —темными глазами въ очкахъ, по причинѣ очень сильной, чуть не предѣльной, близорукости (подъ старость, кажется № 4). Всегда въ сюртукѣ, онъ быстро входиль въ аудиторiю, поворачиваль лицо къ слушателямъ налѣво, торопливо вбѣгалъ на кафедру и, безпокойно поворачивая лицо (очки) вправо и влѣво, нервно начиналь чтенiе. Впослѣдствiи я видѣль у В. О—ча маленькихъ размѣровъ (среднее нѣчто между 16 и 32 долями писчаго листа) тетрадку

съ тщательно переписанными лекціями. В. О. вынималъ тетрадку изъ бокового кармана, клалъ на пюпитръ и незамѣтно какъ-то умѣлъ однимъ глазомъ поглядывать въ нее. Говорилъ или диктовалъ лекцію В. О. очень медленно и каждое слово отчетливо, такъ что легко было записать ее буквально. Это давало многимъ возможность уже тогда запастись лекціями В. О.—ча и пользоваться ими въ семинаріяхъ, а нѣкоторые кажется, ухитрялись даже ихъ и печатать. Голосъ тонкій, какой то задушевно-пріятный. Свои пикантности, типичныя фразы источниковъ, вообще все требующее выразительности, В. О. не только умѣлъ подчеркнуть мастерской дикціей и интонаціей, но искусно пользовался для этого легкимъ заиканіемъ своимъ, дѣлая паузы и эти заиканія въ нужныхъ случаяхъ, для возбужденія вниманія слушателей. Эти такъ сказать прелюдіи всегда заставляли слушателя ждать дальнейшей любопытности. Однакожь популярность и увлекательность лекцій В. О. ча отнюдь не исчерпывалась однимъ только лекторскимъ талантомъ, какъ иные склоны были думать. Гораздо большее значеніе здѣсь имѣли какъ содержаніе такъ и изложеніе лекцій. Поэтому нисколько не меньшее впечатлѣніе производили и такія его рѣчи, кои онъ читалъ прямо по тетрадкѣ, безъ обычныхъ своихъ аудиторскихъ пріемовъ, какъ напр. на торжествѣ 500-лѣтія со дня кончины препод. Сергія,—даже такая, которую я совсѣмъ не слышалъ, а только читалъ уже въ печатномъ видѣ, разумѣю рѣчь о Евгеніѣ Онѣгинѣ. Сила и значеніе лекцій В. О. ча—въ нихъ самихъ, въ ихъ научно-исторической художественности. Вообще В. О.—чь былъ художникъ-историкъ русскій, гражданскій,—какъ Андрей П. Смирновъ былъ художникъ-публицистъ церковно-библейскій. Оба они, повидимому, не знали цѣны своимъ талантамъ. А между тѣмъ именно въ этомъ, по моему мнѣнію, ихъ главное значеніе въ исторіи нашей Академіи. Исторія подобно газетѣ также текуча, какъ сама жизнь. Любопытное и цѣнное теперь скоро сдается въ архивъ. Но художественное творчество совѣчно той средѣ, гдѣ оно рождается, растетъ и цвѣтеть. Съ этой стороны В. О. Ключевскій составляетъ съ Андреемъ П. Смирновымъ славную пару. Какъ художники слова, оба историка оставили о себѣ непреходящую славу и вѣчную память въ Императорской Московской Духовной Академіи.

Занявъ кафедру въ Московской Академіи, я все почти время своего сослуженія съ В. О-чемъ находился съ нимъ въ хорошемъ знакомствѣ. Онъ очень льнулъ къ профессорской молодежи и любилъ раздѣлять съ нею компанію. Но здѣсь я помѣщу только пять воспоминаній. И мнѣ и другимъ, кажется, не разъ сообщалъ В. О-чь, что А. В. Горскій предлагалъ ему продолжать описаніе рукописей Моск. патріаршей (синодальной) бібліотеки. При этомъ онъ замѣчалъ: „Какъ онъ—Горскій—меня мало знаетъ“. Но капитальная магистерская работа В. О-ча о древне-русскомъ житіяхъ святыхъ показываетъ, что А. В. отлично знаетъ В. О-ча. Да и въ самомъ этомъ замѣчаніи В. О-ча, по крайней мѣрѣ мнѣ, каждый разъ слышалась какъ бы нѣкая грусть. Въ связь съ этимъ ставлю другой случай. Однажды, когда рѣчь зашла о профессорской популярности В. О-ча, онъ, тоже съ нѣкою горечью, какъ мнѣ показалось, сказалъ: „да, популярный профессоръ значитъ расхожий профессоръ, въ родѣ дешеваго ходоваго товара“. Эта расхожая или ходовая популярность В. О-ча не давала ему возможности всецѣло сосредоточиться на какомъ нибудь одномъ большомъ капитальномъ трудѣ, чего онъ, по моему наблюденію, внутренно очень желалъ. Отсюда его искреннее преклоненіе предъ такими подвижниками науки, какъ А. С. Павловъ и особенно Е. Е. Голубинскій,—его уваженіе къ всему фундаментальному. Однажды, рассказывалъ В. О-чь, прихожу я къ П. С. Казанскому,—вижу—держитъ мою диссертацию (о житіяхъ святыхъ) перегнутою на срединѣ по поламъ и говоритъ: вотъ эту часть одобряю и лобызаю (свѣдѣнія о житіяхъ), а вотъ эту, говоритъ, лучше бы оторвать (мой выводъ и фантазія). На одномъ магистерскомъ, диспутѣ въ качествѣ оффиціального оппонента Василій Осиповичъ говорилъ: „теперешніе семинаристы потеряли прежнее перо,—куда дѣвали Вы прежнее семинарское перо?“—Припоминаю еще его замѣчаніе, что краткое сочиненіе написать гораздо труднѣе, чѣмъ длинное, и что многописцы работаютъ менѣе краткописцевъ.

М. Муретовъ.